

Нэнси
Спрингер

ТАИНСТВЕННЫЕ БУКЕТЫ

ЭНОЛА ХОЛМС

ЭНОЛА ХОЛМС

и
таинственные букеты

НЭНСИ СПРИНГЕР

Меня зовут Энола Холмс. Вы наверняка читали о приключениях моего старшего брата Шерлока Холмса. Я тоже распутываю загадки и ищу потерянное, но оказалось, я умею замечать мелочи, которыми пренебрегает мой брат. Мелочи, принадлежащие миру женщин и уже не раз приводившие меня к успеху в расследованиях. И это моё тайное оружие.

Кто может посылать странные букеты миссис Ватсон, жене загадочно пропавшего доктора? Если взять книгу по языку цветов (такая есть у каждой благовоспитанной девушки), то у этих букетов очень зловещий смысл. Шерлок Холмс не обратил ни малейшего внимания на эту подсказку, в отличие от Энолы. Ей совершенно ясно, что доктор Ватсон не исчез, а его похитили и теперь похититель издевается над семьёй своей жертвы!

КНИГИ СЕРИИ ДВАЖДЫ НАГРАЖДЕНЫ ПРЕМИЕЙ
ИМЕНИ ЭДГАРА АЛЛАНА ПО
ЗА ЛУЧШИЙ ЮНОШЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ!

ЭНОЛА
ХОЛМС

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

**1. Энола Холмс
и маркиз в мышеловке**

**2. Энола Холмс
и секрет серой печати**

**3. Энола Холмс
и таинственные букеты**

НЭНСИ СПРИНГЕР

ЭНОЛА ХОЛМС

и
таинственные букеты

#эксмодетство
Москва
2019

УДК 821.111-93(73)

ББК 84(7Coe)-44

C74

Nancy Springer

ENOLA HOLMES MYSTERY #3:

THE CASE OF THE BIZARRE BOUQUETS

Copyright © Nancy Springer, 2008

Иллюстрация на обложке *Алексея Вайнера*

Спрингер, Нэнси.

C74 Энולה Холмс и таинственные букеты : [повесть] /
Нэнси Спрингер ; [пер. с англ. А.А. Тихоновой]. —
Москва : Эксмо, 2019. — 256 с.

ISBN 978-5-04-100238-1

Пропал доктор Ватсон, лучший друг Шерлока Холмса. Эта новость на первых полосах всех газет, как и то, что похититель до сих пор не прислал никаких требований. Энולה встречалась с доктором всего несколько раз, но ей очень понравился этот добрый и заботливый человек. Девушка решила навестить жену пропавшего, но, войдя в дом Ватсонов, поняла, что похититель не молчал. Он присылал свои сообщения — на языке цветов. Станные букеты, составленные вопреки здравому смыслу и правилам сочетаемости. А это значит, что доктора Ватсона похитила... женщина? Но за что же она мстит доброму мирному доктору?

УДК 821.111-93(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Тихонова А.А., перевод
на русский язык, 2019

© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-100238-1

Посвящается моей матери

Март 1889

«СУМАСШЕДШИЕ ОБДЕЛЕНЫ ЗДРАВЫМ смыслом, — думала надзирательница. — Впрочем, с ума и сходят от его недостатка». Взять хоть этого новенького. Человек здравомыслящий не упустил бы возможности погулять по саду вместе с остальными в этот славный солнечный денёк, первый день весны. Он соблюдал бы команды (Выпрямитесь! Дышите глубже! Поднимите глаза к величественному небу! Теперь шагом марш! Левой, правой, раз-два, раз-два!) и постепенно шёл бы на поправку, а не...

— Выпустите меня, — повторил несчастный, наверное, уже в сотый раз. —

Я англичанин! Вы не имеете права так обращаться с гражданином Великобритании. — Хоть голос у него был злой, ругательств он себе не позволял: даже когда подрался с санитарам и подбил глаз управляющему, не сказал ни одного грубого словечка. И сейчас всего лишь горячился: — Я верный подданный королевы и не заслуживаю такого обращения! Требую выпустить меня немедленно! Выпустите меня из этого проклятого гроба!

— Это не гроб, мистер Кипперсолт, — скучающим, но ласковым тоном ответила надзирательница. Она сидела на неудобном деревянном стуле без подушки и вязала носок. — Согласна: сверху и снизу есть определённые сходства, но в гробу нет отверстий для воздуха. Как я посмотрю, никаких неудобств он вам не доставляет...

— Не доставляет?! — Больной внезапно рассмеялся. Надзирательница пропустила петельку, нахмурилась, от-

ложила вязание и потянулась за карандашом и бумагой. — Это дьявольское устройство — никаких неудобств?! — Смех его звучал надрывно и неестественно.

— Не похоже, чтобы вы испытывали недомогание, — с вежливым достоинством ответила надзирательница, — и у вас чистая постель. Вы можете менять позу, шевелить руками. Люлька не так плоха, как смирительная рубашка.

— Люлька! Так вы это называете?

Несчастный всё продолжал беспричинно смеяться. Надзирательница встревоженно сощурилась; она знала, что за ним нужен глаз да глаз. Он был хоть и приземистым, но удивительно быстрым и ловким. Почти успел перемахнуть через ограду.

В едва начатом деле мистера Кипперсолта она указала дату, время и вывела короткое предложение: «У пациента приступ истеричного хохота». Предыдущие записи были следующего содержания:

мистер Кипперсолт не желал переодеваться в больничный серый шерстяной костюм после того, как его вещи забрали на хранение, отказывался от еды, моча у него прозрачная и чистая, кишечник работал как положено, и пациент любит чистоту; голова, туловище и конечности не повреждены, мистер Кипперсолт наделён определёнными умственными способностями и пользуется носовым платком.

— Ваша «люлька» лишает меня свободы, — добавил он, и его раздражающий смех затих. Для человека средних лет больной выглядел неплохо. Он походил на бывшего военного и частенько приглаживал пальцем усы, чтобы успокоиться или упорядочить мысли. — Когда вы меня выпустите?

— После того, как вас осмотрит врач. Точнее, осматривать его он не будет, а просто сделает укол хлоралгидрата. Врач психиатрической лечебницы страдал тяжёлой зависимостью от опия

и других подобных веществ, и пациенты его волновали мало. Он только вкалывал им необходимые лекарства.

— Врач?! Я — врач! — воскликнул безумный и снова залился смехом.

Надзирательница записала: «Упорствует в своих лживых утверждениях», отложила журнал с делом пациента и снова взялась за вязание. Пятка на носке — это самое сложное, а тут ещё и постоянно отвлекают. Что поделать, такова жизнь супруги управляющего психиатрической лечебницей: приходится одновременно делать по семь дел, вздохнуть некогда, времени нет ни прогуляться, ни газету почитать. За медсёстрами приглядывать надо не меньше, чем за больными. Влияние Флоренс Найтингейл¹ сюда не распространилось,

¹ Флоренс Найтингейл (1820–1910 гг.) — английская сестра милосердия, которая изменила в лучшую сторону принципы санитарии и ухода за больными и ранеными. Работала в полевых госпиталях. Написала несколько книг об уходе за больными и открыла школу для сестёр милосердия.

и персонал самый что ни на есть неграмотный, а некоторые даже подвержены разнообразным порокам, по большей части — пьянству.

Надзирательница тяжело вздохнула. Ей никак не удавалось исправить ошибку в вязании, и она ответила слегка раздражённо:

— Врач? Вы ошибаетесь, мистер Кипперсолт. В ваших документах чёрным по белому написано, что вы лавочник.

— Меня зовут не Кипперсолт! Я не тот человек, о котором вы говорите! Почему в этом адском учреждении никто не хочет понять, что я попал сюда по какой-то нелепой ошибке?!

Надзирательница почувствовала на себе взгляд больного, заключённого в похожую на гроб клетку, и устало улыбнулась:

— Поверьте мне, мистер Кипперсолт, я тридцать лет здесь работаю и знаю, как часто пациенты утверждают, будто попали сюда по ошибке. Но это никогда не

подтверждается. — Да и о какой ошибке может идти речь, когда на руки была выдана столь внушительная сумма? — Взять, к примеру, таких же несчастных, как вы. Многие представляются Наполеоном — это самое распространённое заблуждение, но есть у нас и принц Альберт, и сэр Уолтер Дрейк, и Уильям Шекспир...

— Я говорю правду!

— ...и многие из этих несчастных со временем излечились, — продолжала надзирательница, не обращая внимания на то, что пациент её перебил. — Но некоторые страдают до сих пор. Вы этого хотите, мистер Кипперсолт? Остаться здесь навсегда?

— Моя фамилия не Кипперсолт, а Ватсон! — крикнул он, ошетинив усы.

— У нас в одном из отделений есть Шерлок Холмс, — задумчиво ответила добрая надзирательница. — Может, он согласится за вас поручиться?

— Вы сошли с ума! Я в самом деле Джон Ватсон, врач и писатель! Позвоните в Скотленд-Ярд...

Позвонить? Да в отдалённых северных районах Лондона никто даже не слышал об этом современном удобстве! Просто так взять и позвонить в Скотленд-Ярд? Ох уж эти безумные иллюзии больного ума!

— ...и спросите инспектора Лестрейда. Он подтвердит мою личность...

— Чушь, — пробормотала надзирательница. — Какая чушь. — Он в самом деле считает, что управляющий будет этим заниматься? Что он вернёт приличную сумму за содержание пациента и отправит сумасшедшего бродить по улицам Лондона?! Нет, бедняга совсем обезумел. — Ну-ну, тихо. Тсс, — ласково пробормотала заботливая надзирательница, словно успокаивая дитя. Она переживала, как бы нервное возбуждение мистера Кипперсолта не привело к воспалению мозга. Прошло два дня, а он

ЭНОЛА ХОЛМС И ТАИНСТВЕННЫЕ БУКЕТЫ

всё так же буйствовал и вёл себя крайне неразумно. А жаль. Через руки надзирательницы прошло много умалишённых, но за этого ей было особенно обидно: похоже, до того, как лишиться рассудка, он был хорошим человеком.

Глава первая

ВЫБРАТЬ СЕБЕ НОВОЕ ИМЯ НЕПРОСТО. Пожалуй, даже сложнее, чем назвать ребёнка. Ведь себя самого знаешь лучше всех, а с новорождённым ещё толком не знаком. Наверное, мама назвала меня Энолой в творческом порыве — ведь «Энола» означало «одинокая»¹, что довольно поэтично.

Не думай о маме.

Синяк на лице уже не болел, но сердце до сих пор неприятно покалывало. Поэтому, несмотря на солнечный весенний день первого марта 1889 года, я оста-

¹ По-английски имя героини пишется Enola. Если прочесть с конца, что получится alone, «одинокая».

лась дома. Устроившись у открытого (после долгой зимы всегда радуешься свежему воздуху, пусть в Лондоне его с натяжкой можно назвать свежим) окна с карандашом и бумагой, я выглянула на бурлящую жизнь улицу Ист-Энда. Моё внимание привлекло стадо овец, поспешно переходившее дорогу. Из-за него движение остановилось, и под моим окном гремела жестокая ругань возниц самых разных средств передвижения: вагончиков с углём, запряжённых ослами телег и тачек уличных торговцев. За этой сценой с ухмылками наблюдали армейские вербовщики в красном и другие любопытные, в то время как ребёнок в обносках переводил слепого попрошайку через дорогу, уличные ребятишки забирались на фонари, чтобы получше рассмотреть происходящее, и громко улюлюкали, а женщины в покрытых сажей шaliaх спешили по своим делам.

Им, этим несчастным труженицам из трущоб, было куда пойти — в отличие от меня.

Я посмотрела на единственную надпись на листе бумаги, лежащем у меня на коленях:

Энола Холмс

Я перечеркнула собственное имя жирной линией. Им я никак не могу воспользоваться. Видите ли, меня разыскивают мои братья, Майкрофт и Шерлок, и если я им попадусь, то потеряю свободу и посредством уроков пения и других подобных занятий превращусь в «украшение благородного общества». Причём по закону они имеют полное право решать за меня, как мне жить. И вполне могут отправить в пансион. Или в монастырь, детский дом, Академию росписи по фарфору для юных леди — куда угодно. Майкрофт, старший из нас троих, властен даже заключить меня на всю жизнь

в сумасшедшем доме. Для этого потребуются всего лишь подписи двух врачей, один из которых должен быть психиатром, нуждающимся в деньгах для содержания данного заведения, и подпись самого Майкрофта. Не удивлюсь, если он попытается таким образом лишить меня свободы.

Под «Энола Холмс» я написала:

Лиана Месхол

Шесть месяцев я скрывалась под этим именем. Я выбрала его в честь плюща, символа преданности, думая о маме. Фамилия была шифром. Если взять слово «Холмс», разделить на «хол» и «мс», поменять их местами — «мс хол» — и добавить гласную для гладкости произношения, получится «месхол». Имя «Месхол» мне очень понравилось, я хотела бы и дальше его носить, но боялась, потому что, как выяснилось, Шерлок читал мою переписку с мамой в колонке объявляе-

ний в газете, где я подписывалась Лианой.

Что ещё знал обо мне мой чересчур умный брат Шерлок, который, в отличие от дородного и не слишком деятельного Майкрофта, прилагал усилия к тому, чтобы меня отыскать? Что он вынес из наших редких и случайных встреч?

Я написала:

Он знает, что я:

похожа на него внешне.

умею лазать по деревьям.

умею ездить на велосипеде.

притворялась вдовой.

притворялась нищенкой, продающей перочистки.

притворялась монахиней.

раздавала хлеб и одеяла бедным.

прячу кинжал в корсете.

нашла двух пропавших людей.

навела полицию на след двух злодеев.

дважды побывала у него дома на Бейкер-стрит.

называлась Лианой.

Скорее всего, от доктора Ватсона он знает, что девушка по имени Лиана Месхол работала у первого и единственного в мире научного искателя.

На последней записи я тяжело вздохнула. Я искренне восхищалась добрым доктором Ватсоном, хотя мы встречались всего три раза: когда он пришёл на консультацию к научному искателю доктору Рагостину, чтобы помочь своему другу Шерлоку Холмсу найти сестру; когда я пришла к нему задать один вопрос и он дал мне лекарство от головной боли; и когда я сбросила на его руки полумёртвую юную леди. Доктор Ватсон был воплощением галантности и твёрдости, настоящим английским джентльменом, готовым помочь всем и вся. Мне он очень нравился, почти так же сильно, как Шерлок. Да, брата я любила всем сердцем, хоть и знала его в основном только по известным рассказам доктора

Ватсона, которые читала с тем же упое-
нием, что и всё население Англии.

Ну почему, почему те, кто мне дорог,
для меня опаснее всего?!

Я вздохнула, поджала губы и несколь-
кими жирными линиями вычеркнула
«Лиана Месхол».

И что теперь?

Меня страшил не только выбор имени,
но и то, что я никак не могла решить,
кем хочу быть и чем заниматься. Что
за человек станет моей новой личиной?
Простая девушка, Мэри или Сюзан? Как
скучно! Но я не могла выбрать мои лю-
бимые растения вроде розмарина, сим-
вола памяти, из которого получилось бы
красивое имя «Розмари», и фиалки, сим-
вола верности и скрытой красоты, кото-
рой соответствовало имя «Вайолет», по-
скольку Шерлок знал о нашем с мамой
тайном шифре.

Выбрать одно из своих вторых имён?
У меня их, разумеется, было несколько:
меня крестили как Энолу Евдорию Ха-

дассу Холмс. Энола Е.Х. Холмс. Э.Е.Х.Х. Звучит так же неопределённо, как я сейчас себя чувствую. Хадасса — имя покойной сестры моего отца. Шерлок сразу его узнает. А уж Евдорию тем более — ведь это первое имя моей матери.

Не могу сказать, что мне хотелось подражать матери.

Или хотелось?

— Чёрт возьми! — выругалась я и написала:

Вайолет Верне

Верне — девичья фамилия мамы, и её Шерлок Холмс, разумеется, тоже узнает. Но если её развернуть...

Енрев

Ну нет. А если переставить буквы?

Енвер

Невер

Добавить пару букв.

Верно

Вечно

И что значит «вечно»? Вечно одинокая? Вечно покинутая? «Нет, — строго сказала я себе, — вечно непокорная». В вечной борьбе за свободу. Да, это я — мечтательница, бунтарка, искательница потерянного. Тут меня озаарило, что для моей карьеры научной искательницы будет полезно найти работу в каком-нибудь издательстве на Флит-стрит, где я смогу узнавать свежие новости, ещё не попавшие в газеты, и...

Вдруг я услышала медленные черепаший шаги на лестнице и громкий крик моей хозяйки:

— Газеты, мисс Месхол!

Миссис Таппер, будучи глухой, как тетерев, считала необходимым производить как можно больше шума.

Я спрыгнула с подоконника и побежала к двери, по пути выбросив все свои записи в камин. Хозяйка постучала в дверь с такой силой, что могла бы расколоть кулаком грецкий орех.

— Газеты, мисс Месхол! — заорала она мне в лицо, как только я ей открыла.

— Спасибо, миссис Таппер.

Она меня, разумеется, не услышала, но, надеюсь, увидела на моём лице вежливую улыбку, с которой я забрала у неё из рук газеты.

Однако уходить она явно не собиралась. Нет, обычно сгорбленная, миссис Таппер расправила плечи и выпрямилась во весь небольшой рост. Она посмотрела на меня выцветшими глазами и храбро отчеканила с видом человека, исполняющего свой Моральный Долг:

— Мисс Месхол, не годится торчать всё время в четырёх стенах! Не моё дело, конечно, чего там у вас стряслось, но нельзя же чахнуть у себя в комнате. Денёк чудо — весенненький, солнце све-

НЭНСИ СПРИНГЕР

тит, ветерок свежий. Берите-ка шляпку и идите гуляйте, а не то...

По крайней мере, я предполагаю, что она сказала нечто подобное. Признаюсь, я не стала её слушать и захлопнула дверь прямо у неё перед носом. Меня привлёк заголовок на первой странице «Дейли Телеграф», и я уставилась на него в недоумении.

**ДРУГ ШЕРЛОКА ХОЛМСА
ТАИНСТВЕННО ИСЧЕЗ
МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ДОКТОРА
ВАТСОНА НЕИЗВЕСТНО**

Глава вторая

Я даже не потрудилась присесть и прямо так, стоя у камина в дешёвом домашнем платье из хлопка, подол которого грозил вот-вот загореться, прочла:

«Загадочное происшествие в Влумсбери заставит любого трепетать от ужаса и вскоре займёт умы всех жителей Лондона, если пропавшего английского джентльмена не найдут. Доктор Джон Ватсон, уважаемый врач общей практики, более известный как друг знаменитого детектива мистера Шерлока Холмса и автор произведений о его приключениях, пропал бесследно. В первую

очередь друзей и родных пропавшего тревожит вполне очевидный вопрос: а вдруг несчастный попал в руки некоего преступного врага мистера Шерлока Холмса и стал пешкой в гнусном плане похитителя, заложником или козлом отпущения, посредством которого злодей решил отомстить детективу? Также есть вероятность, что на терапевта с чёрной медицинской сумкой могли напасть противники вакцинации из Ист-Энда. На данный момент нельзя сказать однозначно, что именно произошло, и нельзя исключить ни одной версии, даже самой жестокой. Скотленд-Ярд выясняет, чем занимался доктор Ватсон в прошедшую среду — в тот самый день, когда он вышел по делам и не вернулся вечером домой. Полиция опрашивает кебменов...»

И так далее и тому подобное; статья многословно повествовала ни о чём. Исчезновение доброго врача и не подумали бы освещать в газете, если бы он

не был связан с моим братом. В среду утром доктор Ватсон поцеловал на прощание жену и вышел из дома. Сегодня была пятница — прошло уже два дня. Наверняка полиция рассматривала и самые безобидные варианты, и вполне оправданно, и первые несколько дней в Скотленд-Ярде ждали письма или телеграммы с объяснениями, что произошло, где и почему. Скорее всего, полицейские пока ничего не «выясняют», иначе в статье упомянули бы фамилию ответственного инспектора. Нет, сейчас доктора Ватсона ищут двое: его жена и лучший друг, Шерлок Холмс.

Точнее, уже трое — включая меня.

Но постойте-ка. Вдруг доктор Ватсон на самом деле не пропал, а это мой коварный брат решил таким образом заманить меня в ловушку?

Шерлок знал, что я ввязалась в два дела о таинственном исчезновении. Даже если он не понял, что доктора Лесли Рагостина, научного искателя, на самом

деле не существует, он вполне мог предположить, что я работала на этого воображаемого учёного. Быть может, Шерлок понял, что моё призвание — искать потерянное?

И догадался, что мне дорог милый доктор Ватсон — идеальный образ отца?

Не стоит ли мне отнестись к этой новости с подозрением?

Однако, несмотря на сомнения, я бросила газету в камин и принялась рыться в шкафу, подбирая себе маскировку и гадая, как лучше выяснить подробности исчезновения доктора Ватсона и с какой стороны подойти к решению загадки. Да, меня бы не остановила и смиренная рубашка.

Хотя я понимала, что должна вести себя как можно осторожнее.

К сожалению, всё было не так просто. Почти целый месяц я провела взаперти в своей комнате, расстроенная тем, что мать не пришла мне на помощь, когда я в ней нуждалась. Другими словами,

бездельничала и дулась на маму. И вот теперь оказалась не готова к активным действиям. Мне не хватало около дюжины вещей.

Я закуталась в бесформенную шаль и отправилась на их поиски. Миссис Таппер осталась бы довольна: я наконец вышла на прогулку.

* * *

Весь путь я прошла пешком, потому что мне хотелось разобраться в своих чувствах — непростых, как лабиринт улочек в трущобах, и привести в порядок мысли — неясные, как нависающие надо мной силуэты покрытых сажей зданий с угловатыми мансардами.

Впрочем, атмосфера здесь не располагала к умиротворённым размышлениям. Торговец пирогами кричал: «Хорячие мясные пирохи, две штуки всехо за пенни!», а вокруг него суетились ребяташки в обносках и насмешливо

повторяли: «Щенки и котята! Кошки и крысы!» — вероятно, намекая на содержимое пирогов, и к ним спешил хмурый констебль, недовольный тем, что они заняли чуть ли не всю улицу. День и правда был «весенненький», как выразилась миссис Таппер, но из-за тёплой погоды усилилась вонь от уборных, каждой из которых пользовалось, наверное, не меньше двух сотен «плебеев» Лондона, от протекающей неподалёку Темзы и от газовых заводов, возвышающихся над трущобами, словно раздувшаяся светящаяся гусеница на стальных ножках, уничтожающая всё вокруг себя.

Да, видимо, я не могла по достоинству оценить красоту солнечного дня — редкости для вечно затянутого туманом и дымом Лондона, но согласитесь: весенняя погода делает жизнь на задворках города только опаснее и хаотичнее.

Районная медсестра в старомодном чёрном капоре, белом фартуке и пальто

спешила по узкой улочке, пересечённой бельевыми верёвками, а все вокруг — мужчины, дети и даже некоторые женщины — забрасывали её проклятиями, комками грязи, камнями и лошадиным навозом.

«Какая же она храбрая», — подумала я. Правда, следующей же моей мыслью было: «Подойдёт ли мне костюм медсестры в качестве маскировки?» Или лучше нарядиться по-военному, в чёрную юбку и тонкий красный свитер, под девушку из «Армии спасения» Уильяма Бута?¹ У меня сложилось такое впечатление, что, встречая человека в форме, люди смотрят не на него, а на его одежду.

Но Шерлок Холмс не обычный прохожий, не вглядывающийся в лица. Он

¹ «А р м и я с п а с е н и я» — благотворительная организация, основанная проповедником Уильямом Бутом в 1878 году (до этого его движение называлось «Христианская миссия»). Почти половину её составляли женщины.

знает, что я притворялась монахиней, и будет с подозрением относиться ко всем подобным личностям: дьяконицам, нянечкам, медсёстрам. Нет, надо изобрести такую маскировку, которой он от меня никак не ожидает.

К счастью, Ист-Энд наконец остался позади. Теперь я не петляла между покосившимися домами, а шла по широким улицам, мощённым булыжником, и на горизонте передо мной темнел купол собора Святого Павла, великолепной достопримечательности с греческими колоннами, резко контрастирующей с не менее высокими газовыми заводами в блестящих стальных оболочках и готическими церквями с острыми шпилями и гаргульями. И с квадратным особняком в итальянском стиле с выступающим карнизом, мимо которого я сейчас проходила. На самом деле большая часть Лондона представляла собой адскую смесь железных дорог, фабрик, сооружений в мавританском стиле, в духе

второго ампира¹, георгианской эпохи и эпохи регентства, тюдоровских, классических и всяких там разных эпох Возрождения. Лондон, как и я, не мог определиться, какую маску ему надеть.

Здесь взгляду представало разнообразие даже богаче, чем в Ист-Энде. Модные одетые леди закупались у галантерейщиков, модисток и парфюмеров, торопливо перемещаясь между лавками, чтобы в них не заподозрили презренных дам иного сорта, которые бродили туда-сюда по тротуарам. Продавщицы с ловкостью горных коз забирались на вторые этажи омнибусов, а приезжие, живущие за городом, с удивлением глазели на мальчишек-посыльных на велосипедах, торговцев с деревянными дугами на плечах, на концах которых болтались коробки с товарами, трубочистов, таких же чёрных, как их щётки, учеников, измазанных в чернилах и прижимающих

¹ В т о р о й а м п и р — стиль французской архитектуры второй половины XIX века.

к груди учебники, уличных музыкантов, джентльменов, одетых с ног до головы кто в серое, кто в чёрное, и господ иной породы, щёголей в поисках приключений. Мои братья раньше предполагали, что я притворяюсь одним из таких бездельников.

Передо мной прошла дама с короткой стрижкой, в шляпе-котелке и тёплой накидке, без перчаток, с палкой в одной руке и поводком в другой, выгуливающая бультерьера. Наверняка мои братья опасались, что я стану такой же, как она, или даже хуже — например, буду ещё и попыхивать сигарой.

Я дошла до старейшего района Лондона — казалось бы, сердца города. Но нет, его сердце было не в Тауэре, не в Коvent-Гардене, не на площади Пикадилли и не на Трафальгарской площади, не в Букингемском дворце и не в Вестминстерском дворце, где заседал парламент. Лондон, как и скудная готовка миссис Таппер, был лишён души.

Я решила воздержаться от дальнейших сравнений между паутиной города и моими спутанными мыслями и отправилась напрямиком на Холивелл-стрит.

Узкая, извилистая, грязная улица не оправдывала своего названия¹, и её красивые старые постройки с щипцовыми крышами занимали издания низшего сорта и отделения дешёвой фотопечати. Однако я пришла сюда не за литографированными изображениями юных леди, зашнуровывающих сапожки и выставляющих напоказ голые ноги и нижние юбки. Меня интересовал несколько другой товар. Ещё во времена королевы Елизаветы на Холивелл-стрит обосновались торговцы роскошными тканями, шёлком, шерстью и бархатом, но со временем их вытеснили продавцы костюмов, пышных нарядов и забавной старомодной одежды для маскарадов. Деревян-

¹ Название улицы Холивелл образовано из двух слов: Holy («святой») и well («добро»), то есть в переводе это улица Святости и Добра.

ные вывески в форме масок зловеще ухмылялись и скалились, и, продираясь через толпу, я поёжилась. Мало того что сама улица была маленькой и грязной, так ещё и владельцы местных издательств, чтобы привлечь покупателей, выставляли на тротуар свои безвкусовые книжки и картинки. Меня вдруг потянула за рукав миловидная девочка лет шести и предложила приобрести, как мне показалось на первый взгляд, колоду игральные карты. Я присмотрелась к ним получше — ахнула и поспешила прочь.

Вот он. Наконец-то я его нашла. На краю нависающего над булыжной мостовой карниза примостилась деревянная вывеска, такая же вытянутая, как само деревянное, обильно покрытое штукатуркой здание, явно почтенного возраста. Вывеска в форме петуха однозначно помечала вход в тот самый магазинчик, которой мне был нужен.

Глава третья

Я узнала о нём во время одного из своих приключений, о котором нельзя не упомянуть. Несколько недель назад мой брат Шерлок чуть меня не поймал. К счастью, пока он созывал констеблей для прочёсывания улиц, я успела отыскать необычное укрытие: дом 221б на Бейкер-стрит — дом самого Шерлока, и пробралась туда, спрыгнув с дерева на крышу и юркнув в окно спальни.

Интересно, что почувствовал мой брат, когда на рассвете вернулся к себе и обнаружил, что в камине догорает балахон монахини, а из гардероба пропало несколько предметов одежды. Наверное,

он страшно огорчился. Как ни странно, эта мысль не вызывала у меня улыбки.

Вот будь это Майкрофт...

Что ж, в другой раз. Так вот, большую часть ночи я провела в комнатах Шерлока, и пока он рыскал по улицам, переулкам, канавам и дворам, я рылась в его вещах. У него был целый шкафчик париков, накладных бород и усов, а также неведомых мне деталей маскировки. Я обнаружила воск для грима, бородавки и шрамы на клею, кошмарные (будто полуразрушенные бойницы средневековых башен) зубы, которыми брат, очевидно, прикрывал свои — здоровые и ухоженные, нащёпки на голову, чтобы казаться лысым или лысеющим; краску, позволяющую менять цвет кожи от румяного до смуглого, самые разные накладные ногти: грязные, желтоватые, острые и скрюченные, словно поникшие головы скорбящих, наклейку на рот, меняющую форму губ и даже создающую впечатление заячьей губы. В общем, для

меня открылся дивный новый мир. При этом огромный. Где же Шерлок раздобыл эти необычные, но удивительно полезные вещи?

В его письменном столе мне попались расписки из лавок, в основном театральных, явно снабжающих артистов гримом и одеждой для сценических образов. А я сомневалась, что смогу сойти за актрису. Хотя несколько лет назад в магазинчике под названием «Шантеклер» на Холивелл-стрит кое-что было куплено.

И я решила начать с него. Брат уже давно не закупался в «Шантеклере»: возможно, его закрыли? А почему бы не сходить туда и не проверить? Если магазинчик ещё открыт, значит, Шерлок перестал его посещать по каким-то иным причинам и я смогу спокойно туда ходить, не рискуя с ним столкнуться.

«Шантеклер» — неудивительно, что вывеску сделали в форме петуха. Шантеклер означает «петух», как, например,

Ренар — «лис». Откуда взялось второе¹, понятия не имею, а вот первое слово я вычитала в одном из «Кентерберийских рассказов» Чосера.

Расталкивая локтями прохожих — Холливелл всегда кишела лондонцами всех мастей, разглядывающими картинки в окнах сомнительных издательств, — я направилась по многолюдной улице к «Шантеклеру».

К «Шантеклеру» ли? Я остановилась перевести дыхание у вывески в виде петуха, которая висела здесь, наверное, со времён Шекспира, и заметила выведенные красной краской буквы над открытой дверью, складывающиеся в одно загадочное словечко «Пертелотта».

Любопытно.

Я зашла посмотреть, что там и как.

¹ Р е н а р (фр.), или Рейнеке (нем.), — хитрый лис, известный персонаж старофранцузского «Романа о Лисе». Сейчас во французском слово *renard* означает «лиса». Шантеклер — петух, образ нарицательный, персонаж французских сказок и народных песен.

Шагнув через порог, я тревожно огляделась по сторонам, но, конечно, мои братья не выпрыгнули на меня из теней: в магазинчике было пусто. У двери высились стопки нотных тетрадей, в углу валялись потрёпанные книги, а на прилавках и в ящиках лежали разнообразные товары. Я окинула их взглядом и пришла к выводу, что они предназначены для развлечений гостей на приёмах: колоды карт (рада отметить — игральных, а не тех неприличных карточек, которые мне пытались продать на улице), домино, настольная игра «одинокая королева»¹, разноцветные палочки для микадо², сце-

¹ Также известная как солитёр, в данном случае с использованием колышков в качестве фишек. Начинается на поле, заполненном фишками, но с одной пустой клеткой. Игрок должен «съедать» фишки, «перепрыгивая» через них другими фишками так, чтобы оказаться на свободной клетке. В конце на поле должна остаться только одна фишка. Рассчитана на одного игрока.

² Японская игра, аналог древнерусской игры в бирюльки. Из кучи бамбуковых палочек с цветными полосками полагается медленно вынимать по одной палочке так, чтобы не затронуть и не рассыпать остальные.

нарии для коротеньких пьес, «волшебные фонари»¹ с историями в картинках и крошечный печатный станок, удивительно хитрое изобретение с прессом и пропитанной чернилами прокладкой... Я с интересом разглядывала его, когда меня отвлек низкий грудной голос:

— Шо вас интересуєт?

Передо мной стояла улыбающаяся дама среднего возраста в простых блузке и юбке, с расслабленным, но в то же время гордым выражением лица. Было ясно, что это её магазин.

Мой и без того утомлённый мозг не сразу снабдил меня воспоминанием о практичной курочке Пертелотте из рассказа Чосера о Шантеклере.

Неудивительно, что Шерлок Холмс перестал сюда ходить. Владение лавкой перешло, так сказать, от петуха к курице, а мои братья — как сказала мне однажды супруга нашего старого дворецкого —

¹ «В о л ш е б н ы й ф о н а р ь» — проектор, который активно использовался в XIX веке.

никак не могут смириться с тем, что и у женщин бывает стержень.

— М-м... Миссис Пертелотта? — уточнила я.

Её улыбка расплылась ещё шире и стала более искренней, как будто дама услышала приятную шутку, понятную лишь узкому кругу людей.

— Пер-телл-о-та-а, — отозвалась она, беззлобно поправляя моё произношение, так что у меня даже создалось впечатление, будто меня похвалили за попытку.

Хозяйка магазинчика была широка в кости, с далеко не привлекательным плоским и круглым, как блюдо, лицом, а прямые седеющие волосы держала убранными в аккуратные пучки, нависающие над мясистыми мочками ушей.

— А где же Шантеклер? — Мои губы дрогнули, готовые улыбнуться.

— О, шо вы, он на небесах.

— Но вывеску в форме петуха вы оставили?

— Как же, вещь старая, а к старым вещам надо относиться с уважением. — Она улыбалась уже во весь рот, но ясно давала понять, что к этому вопросу лучше не возвращаться. — Вам шо-нибудь подсказать, показать, што хде лежит?

Хоть она и говорила простым языком и приглушала «ч» и «г», как многие жители Ист-Энда, её акцент нельзя было однозначно соотнести с кокни, и хозяйка казалась довольно образованной. Я старалась по мере сил подражать её говору. Показав пальцем на миниатюрный печатный станок, я спросила:

— На нём можно печатать визитки?

Пертелотта даже не моргнула и своим видом никак не показала, что ей интересно, зачем бедно одетой девушке визитки, да ещё и собственного изготовления. Она спокойно ответила:

— Да, конечно, но мороки будет много. Если их нужно всехо ничехо, так лушше я вам сделаю, вы только немнохо

подождите. У меня в подсобке есть хороший станок.

— Прекрасно. — Я кивнула. — Спасибо, учту. Я пока осмотрюсь у вас в магазинчике?

— Конечно-конечно.

Мне предоставлялся огромный выбор замысловатых шуток и необычных вещей — головоломки на деревянных дощечках, где полагается собирать картинку, передвигая детали (поднимать и перекладывать их нельзя), «спиритические доски» с цифрами и буквами для медиумов, бархатные розы, музыкальные шкатулки, веера из перьев, лёгкие шёлковые шарфики, маски от солнца¹, парики отменного качества из длинных волос, вероятно срезанных с жертв лихорадки или заключённых, — но я рас-

¹ В XVI веке леди часто надевали в путешествие одноцветную маску из чёрного бархата, которая защищала их кожу от ожогов. Единственные отверстия делались для глаз и для рта. В те времена считалась бледная кожа, и благородные леди боялись не то что стореть, а даже простого загара.

смастривала их очень неспешно, предаваясь размышлениям. Мне очень скоро должна была потребоваться визитная карточка, и щедрое предложение Пертелотты пришлось как раз кстати, но нельзя распечатать визитки, если не знаешь, что на них будет написано.

Я мысленно вернулась к своим карандашным записям, сделанным на подоконнике. Вечно я, Вечная? Нет уж. А если выбрать другой вариант? Верне — Енрев — Енвер. И слегка украсить его, добавив французский налёт: Энверуа.

Неплохо.

Хорошо, для начала оставим так. А что делать с именем? Фиалка? Нет, это же название цветка — звучит глупо и очевидно. Вайолет? Прямое значение — «фиалка», всё равно слишком рискованно. Виола? Оно скорее вызывает ассоциацию с музыкальным инструментом, хоть так и называют фиалки, растущие в саду, или анютины глазки. Да, Виола подойдёт.

Будь Пертелотта жадной, она продала бы мне миниатюрный печатный станок и выручила бы куда больше денег, чем за несколько визитных карточек, сделанных в подсобном помещении на, вероятно, куда более добротном станке.

Поэтому я решила ей довериться, хотя прекрасно понимала, что на самом деле её зовут отнюдь не Пертелоттой. Что с того? Она тоже не узнает моего настоящего имени.

Стоит ли приобрести в магазинчике и другие предметы, которые вполне могут навести на меня подозрение?

Пожалуй, стоит.

Но вдруг я ошиблась? Вдруг на самом деле она болтлива?

А даже если и так — ничего страшного: ни Майкрофт, ни Шерлок с ней не заговорят. Они и подойти не посмеют к самодостаточной и деловой владелице лавки. Им сложно осознать, что особа женского пола не обязана быть придатком к мужу, отцу или брату. Для них женщины — за-

гадочные и лишённые здравого смысла создания. Мои братья не способны поставить себя на место любой из них.

И уж тем более им никогда не понять меня. По их мнению, долговязая девчонка с большим носом, сбежавшая из дома, непременно притворится юношей — ведь что ещё остаётся несчастной простушке!

Теперь они знают, что я могу замаскироваться и под вдову, и под монахиню, и будут искать похожую фигуру, вписывающуюся в образ уродливой ведьмы, с резкими чертами лица, скорее всего прикрытого вуалью, жуткую и мрачную. Или хмурую «ораторшу», которая пытается улучшить жизнь в трущобах. Скорее всего, мужского образа от меня уже не ожидают. Может, сейчас самое время купить штаны?

Нет.

Мне совсем этого не хотелось. Тем более что я решила навестить миссис Ватсон и расспросить милую леди об исчез-

ЭНОЛА ХОЛМС И ТАИНСТВЕННЫЕ БУКЕТЫ

новении её дорогого супруга, доктора Ватсона, а для этого мне требовалась маска женщины.

Но такой, чтобы ни Майкрофт, ни Шерлок не заподозрили в ней Энолу Холмс.

Да, я понимала, что на такое преобразование уйдёт много сил и времени, но мне было остро необходимо выбрать для себя маскировку, которую никак не будут ожидать от меня мои хитрые братья.

Я должна стать красавицей.

Глава четвёртая

Должна.

Признаюсь, это решение подстегнули обида и озлобленность, вызванные мыслями о матери, но направленные совсем на другую мишень: на мужчин. Слишком часто мне приходилось наблюдать, как они обращаются с девушками, как разделяют простушек и красавиц. Я решила поставить эксперимент и доказать, что «сильный» пол легко обмануть.

Кроме того, моё решение было продиктовано необходимостью обезопасить себя на случай, если исчезновение доктора Ватсона — всего лишь изощённая

ловушка, поставленная для меня братом. Меня никто не должен узнать.

Даже если на самом деле случилась беда (а я подозревала, что так оно и есть), миссис Ватсон, несомненно, знакомая с Шерлоком Холмсом, будет ждать от него помощи и, поддерживая с ним связь, вполне возможно, не постесняется упомянуть, что к ней заходила высокая худая невоспитанная девчонка с большим носом и выпирающим подбородком. Шерлок тут же узнает меня в этом описании и нападёт на мой след, словно собака-ищейка. Зато если миссис Ватсон расскажет о миловидной посетительнице, мой брат пропустит это замечание мимо ушей.

В приятной внешности есть один минус: даже привлекательные леди с неприязнью относятся к красавицам, а мне важно завоевать доверие миссис Ватсон. Пусть я не знакома с ней лично, но по описанию из повести доктора Ватсона «Знак четырёх» знаю, что выглядит она

довольно непримечательно. Там он описал Мэри Морстен (это её девичья фамилия), когда она пришла за советом к мистеру Шерлоку Холмсу. Лицо будущей жены доктора Ватсона «было бледно, а черты не отличались правильностью», но при этом его выражение описывалось как «милое и располагающее», и дальше упоминалось, что большие синие глаза девушки «светились одухотворённостью и добротой».

Если она и правда так благородна и отзывчива, как говорится в книге, ей будет безразлично, симпатична её собеседница или нет.

Из повести я почерпнула ещё, что у миссис Ватсон в Англии нет ни родственников, ни друзей. Именно поэтому, оказавшись в затруднительном положении, она и обратилась к Холмсу. У неё не осталось ни матери, ни отца. Выучившись в частном пансионе, она нашла работу компаньонки: не то чтобы служанка, но и не ровня для своей на-

нимательницы — ведь обычно компаньонки ели отдельно. И положение её не сильно изменилось: супруга врача ставилась чуть выше рабочего класса, но к аристократии отношения не имела. Если до свадьбы она жила «уединённо», могло ли с тех пор что-то измениться? Скорее всего, нет. Доктор Ватсон писал, что бедняки часто обращаются за помощью к Мэри — несомненно, у неё такое же золотое сердце, как и у него, — но стали бы эти же бедняки утешать несчастную, если бы в беде оказалась она? Вряд ли.

Одни предпочитают горевать в одиночестве, другие нуждаются в дружеском плече. Я не знала, к какому типу относится миссис Ватсон, но рискнула предположить, что к последнему и что в это нелёгкое для неё время ей будет приятна поддержка даже незнакомого человека.

По крайней мере, я на это надеялась. Как и на то, что милая леди упомянет

хотя бы одну — кажущуюся незначительной, но на самом деле важную — деталь, которая отчасти прольёт свет на таинственное исчезновение её супруга.

* * *

На следующий день перед домом, где жил и работал доктор Ватсон, остановился кеб, и из него вышло поистине очаровательное создание, одарённое невинной, нежной, безупречной красотой, притом естественной и непринуждённой, которое взлетело вверх по белым ступенькам крыльца, словно фея в зачарованном лесу...

«Непринуждённой»? Ха! Как бы не так. На создание образа мисс Виолы Энверуа ушла целая вечность, и если бы не моя душа художника, мне бы ни за что не удалось достичь этой «непринуждённости». Видите ли, «естественная» красота — всего лишь иллюзия, и её относительно легко создать, если подчеркнуть

достоинства, скрыть недостатки и подправить пропорции.

Однажды Шерлок сказал Майкрофту нечто подобное: «Обрати внимание, что у нашей дорогой сестры голова совсем небольшая по сравнению с вытянутым туловищем». Так мой брат намекнул на то, что я не слишком умна — и, между прочим, в выводах он ошибся. Но по сути его утверждение было верным.

Поэтому я приобрела у Пертелотты невероятно пышный парик. Главную роль в женской красоте играют именно волосы, и здесь важнее всего «подправить пропорции». Мало того что мои родные волосы цвета грязи были тонкими и неприятными на ощупь, так мне ещё было неудобно их укладывать, особенно на затылке, — ведь они, вот беда, находились на моей собственной голове! А парик... Это совсем другое дело. Я водрузила его на подсвечник и причесала так, чтобы блестящие локоны цвета розового дерева — то есть

каштановые с приятным красноватым оттенком — были намеренно неряшливо собраны на макушке, а на лоб падала плотная чёлка.

Без парика — и специальных подушечек, которые округляли мои ноздри и щёки, — я была бы всё той же женской копией Шерлока: с резкими чертами лица, орлиным носом и желтоватой кожей.

Но прелестные и с виду естественные волосы скрывали недостатки лица, и ярко выраженные нос и подбородок волшебным образом превращались в классический греческий профиль. Кожа в обрамлении рыжеватых кудрей казалась не болезненно-бледной, а аристократически белой. Мне самой с трудом верилось в своё преобразование.

Разумеется, одной причёски было мало. Природная красота обычно подчёркивается единственным недостатком, нарушающим симметрию. Для этого я наклеила на правый висок купленную

у Пертелотты родинку цвета портвейна. К тому же она отвлекала внимание от моего большого носа. Кожу я присыпала рисовой пудрой — якобы для того, чтобы скрыть мелкие прыщики или пятна. Это не осуждалось в высших кругах, в отличие от другого косметического продукта — румян¹: их я незаметно нанесла на скулы и губы. Чтобы глаза выглядели большими и блестящими, нужно было потереть веки клочком специальной «испанской бумаги», но не слишком, — и это мне удалось не с первого раза. Как я и сказала, на то, чтобы стать красавицей, у меня ушла целая вечность, и это был нелёгкий труд.

При этом миссис Ватсон вполне могла отказаться меня принять! Учитывая обстоятельства, я бы не удивилась, если бы она лежала в кровати, страдая от нерв-

¹ Румянами в прошедшие века красили не только щёки, но и губы. В XIX веке использование румян не одобрялось, и вместо этого девушкам советовали перед выходом в свет прикусывать губы и щипать себя за щёки.

ного истощения, не в силах принимать гостей даже при большом желании.

Чтоб меня черти съели! Вдруг я в самом деле к ней не попаду и все мои старания пойдут прахом?!

Однако попытаться стоило. И я не отступилась.

Напоследок оглядев себя в зеркало, я невольно зарделась от гордости.

К сожалению, миссис Таппер увидела, как я спускаюсь по лестнице, и выронила фарфоровый кувшин; он разбился вдребезги.

На этой печальной ноте я вышла на улицу и взяла кеб до дома Ватсона — и если я и взбежала по ступенькам, словно фея в зачарованном лесу, то это исключительно благодаря купленной вчера туалетной воде «Лесной рай». Ароматы никогда меня не волновали — хоть в трущобах и стояла жуткая вонь, я не имела привычки прикрывать нос надушенным платком, — но красота, как говорили, находилась не только в глазах смотрящего,

но и скрывалась в тщательно продуманной вуали запахов. То есть в парфюме. А чтобы подсластить голос, я съела несколько ложек мёда. Затягивая корсет, я проверила, не выпирают ли из подушечки на груди спрятанные там предметы. К выбору платья я подошла, как вы можете себе представить, со всей тщательностью и надела не слишком скромное, но и не чересчур аристократичное. Все «непринуждённые» детали моего туалета, от плоской шляпки с цветами до начищенных до блеска сапожек на пуговицах, являлись результатом долгого и упорного труда. Я полночи готовилась к грядущей встрече. Оставалось только надеяться, что недостаток сна придаст моим глазам чувственное выражение.

Разумеется, на крыльце дома доктора Ватсона меня снова начали одолевать сомнения. Вдруг я поступаю глупо и окружающие видят во мне уродливую ворону, которая лишь притворяется роскошным павлином? И, разумеется, именно в эту

минуту сомнений дверь отворили. Мне не пришлось ничего объяснять: букет из тщательно подобранных цветов — подснежников и жасмина (надежда и сочувствие), перевязанных жёлтой лентой, говорил сам за себя. Лишь бы горничная не заметила, как дрогнула моя рука, когда я положила на серебряный поднос визитку мисс Виолы Энверуа.

Глава пятая

Горничная провела меня в скромную маленькую гостиную и побежала искать хозяйку. Оставшись одна, я осмотрелась. Все окна были приоткрыты ровно на два дюйма. К счастью, в этом районе весенний воздух пропитан лишь дымом и дорожной грязью, и неприятные запахи отчасти перекрывал аромат моего букета. Как выяснилось, для обеспеченных семей в Лондоне цветы — это не роскошь, а необходимость, и они украшают ими дома, костюмы и шляпки, чтобы заглушить невыносимую вонь города.

Из глубины дома донёсся тихий голос:
— Кто там, Роуз?

Не дожидаясь ответа, миссис Ватсон прошла в маленькую гостиную с моей визиткой в руке, бледная, но сосредоточенная.

— Вы пришли к врачу? — участливо спросила она. — Боюсь, его нет на месте. Я могу вам чем-нибудь помочь?

Увидев её красные, опухшие глаза, я потеряла дар речи. Сомнений не оставалось: доктор Ватсон действительно исчез. Горе миссис Ватсон было неподдельным, но при этом она была настроена не принимать соболезнования, а предлагать помощь.

Меня так восхитила эта поразительная женщина, что, вручая ей мой скромный букет, я запуталась в словах:

— Я прочла в газете... Никак не могу понять, почему... Ведь он такой добрый — ваш супруг, я имею в виду... Надеюсь, с ним всё в порядке. Извините, что я так, без приглашения и в такое тяжёлое для вас время, но я подумала, что, быть может, цветы...

Я обратила внимание, что в маленькой гостиной стояли и другие букеты, но их было не слишком много.

— Как любезно с вашей стороны. Спасибо.

Когда миссис Ватсон забрала подснежники с жасминами, её нижняя губа задрожала, но взгляд тёплых глаз остался всё таким же вопрошающим.

— Я лечилась у вашего супруга, — поспешно объяснила я в ответ на её молчаливую просьбу представиться.

Она кивнула, благосклонно принимая юную глуповатую и крайне привлекательную (надеюсь) незнакомку в своей маленькой гостиной:

— Уверена, вы меня простите. Я не знакома со всеми пациентами мужа.

— Само собой! Знаете, после того, что написали в газете, я не могла сидеть сложа руки, ведь доктор Ватсон меня не только вылечил, но и проявил при этом деликатность и участие.

Отчасти это было правдой. Я всегда старалась примешать ко лжи как можно больше правды — так проще сохранить невозмутимое выражение лица и не запутаться в собственных словах.

— Мне очень приятно, что вы подумали обо мне, — сказала миссис Ватсон.

Я ощутила укол совести, но тут же напомнила себе о том, что в самом деле пришла ей помочь.

— Цветы чудесные, — продолжала она, прижимая их к груди, словно дитя. — Мисс Энверуа, вы меня очень обяжете... Конечно, если вас не затруднит... Не хотите ли остаться и выпить чаю?

* * *

Всё пошло именно так, как я и рассчитывала. Миссис Ватсон, пусть и привыкшая к уединению, нуждалась в дружеском плече, в невинном и понимающем слушателе. Одно лишь проявление ин-

тереса с моей стороны побудило её пуститься в объяснения недавних событий. Утром среды её супруг вышел из дома в прекрасном настроении, собираясь посетить нескольких своих пациентов, а потом, возможно, заскочить в клуб, но к вечеру он не вернулся.

— Я подогревала ужин, пока от него не остались одни угольки, — печально поведала миссис Ватсон. — Но даже тогда не решилась выбросить его в мусорное ведро, поскольку не хотела признавать, что Джон сильно задерживается, потому что с ним могло случиться нечто... ужасное. Я всё твердила себе, что он придёт с минуты на минуту. А иначе и быть не может.

Она прождала его всю ночь, а утром отправила горничную с посланием в полицию и, разумеется, к Шерлоку Холмсу. Миссис Ватсон предположила — и не ошиблась, — что мне известно о дружбе её супруга с известным сыщиком. Полицейские приехали первыми, но отка-

зались предпринимать какие-либо действия, пока им не предоставят весомые доказательства.

— Они сказали, что надо ещё немного подождать, что человек вполне может пропасть дня на два или три, а потом вернуться домой с глазами как у кролика, потому что всё это время пил, курил опиум или развлекался с женщинами.

— Как они посмели?! — воскликнула я.

— Разумеется, они выразились иначе, но смысл был предельно ясен. Как будто Джон на такое способен! — Несмотря на праведный гнев миссис Ватсон, её голос оставался всё таким же нежным. — К счастью, после них прибыл мистер Шерлок Холмс, и он твёрдо намерен выяснить, что произошло.

— И он приступил к поискам?

— Он сказал, что свяжется со мной, когда у него появится зацепка, но пока вестей от него нет.

— И он не выдвинул никакого предположения?

— Он полагает, что ему решил отомстить какой-нибудь преступник, и я с ним согласна. У самого Джона врагов не было.

— А сварливые пациенты?

— Что ж, без этого никак. Мистер Холмс забрал его врачебный журнал, чтобы просмотреть карточки пациентов.

Прекрасно. Значит, сама она в них не заглянет и не проверит, есть ли там Виола Энверуа.

Я подалась вперёд:

— Миссис Ватсон, а вы как считаете, что произошло?

На мгновение она растерялась и закрыла лицо руками:

— Даже не представляю.

Тут пришла горничная с подносом. Миссис Ватсон собрала волю в кулак, расправила плечи и налила нам чай.

— Вы живёте в Лондоне со своей семьёй, мисс... мм... Энверуа?

Я сказала, что живу одна, работала в конторе, а сейчас работы у меня нет, но я надеюсь попасть в издательство на Флит-стрит, — и мне нигде не пришлось соврать. Впрочем, это не имело значения; даже если бы я заявила, что выступаю в цирке на лошади без седла, она бы всё равно так же вежливо кивала, поскольку сейчас её мысли заволакивал туман тревоги и она не вникала в мой рассказ.

Какое-то время мы потягивали чай в неловкой тишине.

Я решила разрядить обстановку и похвалить убранство маленькой гостиной:

— Какие чудесные литографии. Меня всегда восхищает сочетание удобной мебели и приятных глазу предметов искусства.

Но больше всего меня восхищала сама миссис Ватсон, храбро разливающая чай в собственной гостиной, которую сама разглядывала так, словно видела в первый раз.

— И спинет¹ чудесный, — добавила я. Очевидно, раз миссис Ватсон работала компаньонкой, она полжизни провела, играя на клавишных инструментах, но я всё же уточнила: — Вы играете?

Бедняжка слушала меня вполуха.

— А... мм... да. Да, я... — Её внимание привлекли маргаритки, стоящие на спинете. — Удивительно, как много цветов мне подарили в утешение, — туманно произнесла она. — От этого хоть немного, но становится легче. А ведь я даже не знаю этих людей. Они так добры.

Я кивнула, хоть и подумала про себя, что букетов в комнате не так уж и много и бедная миссис Ватсон радуется сущей мелочи. Мой букет горничная поставила в вазу и, к счастью, ничего в нём не изменила. Кроме того, гостиную украшали букетик ландышей, символ вновь об-

¹ Небольшой клавишный инструмент, разновидность клавесина.

ретённого счастья, вездесущие гвоздики, белые розы и...

Самый безобразный букет из всех, что я видела в своей жизни, стоял на угловом столике.

Я расправила плечи и вскинула брови, но вслух сказала лишь:

— Как необычно!

— Что? — Миссис Ватсон проследила за моим взглядом. — Ох. Да, причудливый, согласитесь? Мак обычно красный, но здесь белый, а боярышник должен быть белым, но здесь красный, и я даже не знаю, что это такое зелёное.

— Спаржа! — с изумлением воскликнула я. Не побеги, разумеется, которые едят в качестве овоща, а тонкие, похожие на изумрудно-серую паутину ветви с листьями. — Они срезаны со взрослого растения, — объяснила я. Что странно. В начале весны из-под земли только начинали пробиваться первые побеги.

Миссис Ватсон быстро заморгала:

— Надо же, вы так умны! Откуда вам это известно?

— Моя мать была ботаником. — И в каком-то смысле это правда; к тому же цветы и ботаника считались чисто женским увлечением, и этой науке посвящали своё время многие благородные леди в Англии.

— Она изучала спаржу? Не слышала, чтобы это растение добавляли в букеты.

— Я тоже.

Однако меня больше пугали не ветви спаржи, а леденящие кровь цветки боярышника и мака.

Как можно более спокойным голосом я спросила:

— Миссис Ватсон, вы знакомы с языком цветов?

— Поверхностно. В жизни мне редко приходилось с этим сталкиваться, — с добродушной усмешкой ответила она. — Боярышник означает надежду, верно? А мак — кажется, утешение?

Но мы жили в Англии, и в британском фольклоре цветок боярышника, а точнее сам кустарник, ассоциировался с языческими богами и феями и приносил неудачу. В деревне никто не принёс бы в дом пучок его хорошеньких белых цветков: кому хочется навлечь на себя ужасные несчастья, вплоть до внезапной смерти?!

Вслух я об этом не сказала.

— Красный мак несёт утешение, вы правы, но белый символизирует сон, — объяснила я.

— Правда? — Миссис Ватсон ненадолго задумалась, а потом искренне улыбнулась. — Что ж, сладкий сон мне бы не помешал.

— Какой чудной букет. Можно спросить, кто вам его подарил?

— Боюсь, этого я не знаю. Какой-то мальчик-посыльный оставил его у двери.

Я поставила чашку на стол, поднялась и подошла к угловому столику. Белый мак, скорее всего, вывели в теплице. В начале весны чуть ли не все цветы, кроме разве

что подснежников, берут в оранжереях, и в этом нет ничего удивительного. Но искусственно выведенная спаржа — вот что необычно. Ладно, предположим, кому-то захотелось свежих овощей. А боярышник? Зачем выращивать колючий кустарник в теплице, если за городом его полно и он вылезает повсюду, как сорняк?

Я внимательнее присмотрелась к ветвям боярышника и заметила, что их оплетают побеги какого-то вьющегося растения с увядшими белыми цветками.

Вьюнок.

Дикая лиана с бутонами в форме музыкальных труб, обычно растущая в живых изгородях за городом и такая же обыденная, как, к примеру, воробьи. Но это летом, а в марте вьюнок, как и боярышник, можно найти только в теплице. Без сомнений, их выращивали вместе, раз они так тесно переплетены.

Вьюнок — на латыни *convolvulus*, что означает «обвивающий» или «свёртыва-

ющийся», — указывал на нечто скрытое, опутывающее, извращённое.

А этот жуткий букет мог составить лишь обладатель извращённого ума. Я должна выяснить...

Но как только я повернулась расспросить миссис Ватсон о загадочных цветах, дверь маленькой гостиной распахнулась и высокий, безупречно одетый джентльмен ворвался в комнату, не дожидаясь, пока о нём доложит горничная. Не только видом, но и поведением он напоминал хищную птицу. Это был мистер Шерлок Холмс.

Глава шестая

Признаюсь, я громко ахнула от ужаса и восхищения: именно эти чувства вызывал у меня мой известный на всю Англию брат. Его резкие черты казались мне самыми красивыми, серые глаза — самыми яркими, и будь обстоятельства иными... Но какой смысл в тщетных грёзах? Я прекрасно понимала, в какой опасности нахожусь, и мне отчаянно хотелось сбежать. Сердце тревожно колотилось в груди. К счастью, когда я рассматривала загадочный букет, я стояла у стены и мне было некуда отойти. А Шерлок непременно заметил бы, если бы я отшатнулась.

Но он взглянул на меня лишь мельком, и я не сразу поняла почему: ведь вот она я — его высокая, неуклюжая, длинноносая сестра Энола, но Шерлока, очевидно, обманула моя маскировка. Ему не хотелось задерживать взгляд на обаятельной девушке в элегантном платье. Вероятно, ему была неприятна такая компания.

А моего возгласа он не услышал, поскольку в тот же момент миссис Ватсон воскликнула:

— Мистер Холмс! — Она протянула к нему руки. — Вы... есть ли... хоть какие-то новости?

Судя по мрачному, напряжённому лицу мистера Холмса, он не принёс добрых вестей. Шерлок поймал руки миссис Ватсон, словно двух голубок, но ничего не сказал, а только поджал губы и еле заметно кивнул в мою сторону.

— О! Как некрасиво с моей стороны! — ахнула она. Само собой, Шер-

лок намекал, что не стоит разговаривать при посторонних, но добрая миссис Ватсон не так его поняла и решила, что он корит её за грубость — ведь она не представила ему свою гостью. Миссис Ватсон выдернула руки, повернулась ко мне и сказала: — Мисс... мм...

Я решила воспользоваться переполняющими меня противоречивыми чувствами и выплеснуть их на Шерлока. Избавив бедную миссис Ватсон от необходимости вспоминать моё имя, я бросилась к брату и, улыбаясь — нет, скорее, скалясь, будто череп, — восторженно затараторила:

— Ах, неужели это сам мистер Холмс, великий детектив?! Поверить не могу! — Я взвизгнула непривычно писклявым голосом. Рискую себя выдать и дрожа от страха, я стиснула его руку в лайковой перчатке. — О, мне уже не терпится рассказать тётушке, что я встретилась со знаменитым мистером Шерлоком Холмсом!

Мне удалось добиться желаемого эффекта. Даже крыса, выползшая из канализации, вызвала бы у Шерлока меньше отвращения. Он не нашёл в себе сил посмотреть мне в глаза, отвернулся и холодно пробормотал:

— Мисс... Э-э-э...

— Энверуа. Мисс Виола Энверуа! — выпалила я.

— Мисс Энверуа, вы не могли бы оставить нас наедине?

— Ох, разумеется! Ну конечно! Понимаю, вам с миссис Ватсон надо обсудить важные вопросы... Ах, но для меня такая честь с вами познакомиться... Я так польщена! — Продолжая щебетать, я позволила верной горничной Роуз вывести меня из гостиной: она уже прибежала с моей накидкой в руках.

Когда за мной закрылась входная дверь, я вздохнула с облегчением, не веря в свою удачу. Мне всё казалось, что сейчас я спущусь по каменным ступеням и в ту же минуту Шерлок закричит:

«Постойте! Это была Энола? Энола! Констебль, хватайте ту девчонку в парике!»

Вместо этого из приоткрытого окна гостиной до меня донеслись тихие печальные слова брата, обращённые к миссис Ватсон:

— Боюсь, хороших новостей нет. Однако я кое-что нашёл. Врачебную сумку Ватсона.

Я застыла посреди тротуара. О. О господи, я не могла просто так уйти; голос брата манил меня к себе, как магнит притягивает иголки и булавки. И мне хотелось узнать больше о его находке — но безопасно ли подслушивать под окном?

Я притворилась, будто что-то ищу в карманах, и тайком осмотрелась вокруг. На улице не было ни души, если не считать молочницы, развозившей бутылки с молоком, и редких кебов, проезжающих мимо. Станный город Лондон: в трущобах жизнь бьёт ключом, в каждом дверном проёме кто-нибудь стоит

и кричит, дети бегают по слякоти, куда ни глянь — везде есть попрошайки, торговцы, пьяницы, бездельники; в благополучных же районах улицы чуть ли не пустуют, а чистое крыльцо всегда ведёт к запертым дверям. Здесь ни на одном стекле нет ни трещины, у кого-то на подоконнике стоит герань в горшке, у кого-то птичья клетка с жёлтой канарейкой, а на доме с кружевными занавесками висит табличка «Сдаётся комната».

Но как знать, не наблюдает ли кто за тобой, спрятавшись за тонкой занавеской?

Холмс тем временем продолжал:

— Она была в его клубе. Кто-то спрятал её за диван, и она обнаружилась лишь сегодня.

— Но... Джон бы не оставил... — всхлипывая, проговорила миссис Ватсон.

— Вот именно. — По вымученному голосу Шерлока было ясно, что он и сам едва сдерживает эмоции. У меня защемило сердце. — Ни один врач, а уж тем

более Ватсон, не расстался бы добровольно со своей чёрной сумкой.

Тут я осознала, что могу невольно ахнуть или издать другой звук, который выдаст меня с головой, и мысленно себя отругала: «Энола, глупая девчонка, уходи скорее!»

Я отошла, но всего на несколько шагов, чтобы Шерлок и миссис Ватсон не заметили меня, если вдруг выглянут в окно. Я остановилась на углу дома и сделала вид, будто застёгиваю пуговицы на перчатках. Мне нужно было время, чтобы унять биение сердца и выровнять дыхание. До меня всё ещё доносился голос брата:

— Следовательно, вероятность несчастного случая мы отмечаем. Ватсона намеренно выманили из клуба и похитили, но кто и зачем — неизвестно.

Тихого ответа миссис Ватсон я не слышала.

— Нельзя сказать наверняка, но ненавистники прививок и хирургии, которые

в медицинских операциях видят чуть ли не пытки, склонны к истерии и вряд ли способны действовать организованно. Однако, хоть такой вариант и маловероятен, забывать о нём нельзя, как и о других версиях. Ватсон мог нажить врага в армии; я рассматривал эту возможность, но интуиция подсказала мне, что я копаю не в том направлении. В первую очередь подозрения падают на преступный мир, но мои помощники не приносят новых сведений. Такое впечатление, будто Ватсон мирно играл в бильярд в клубе и в один момент под ним разверзлась земля...

Раздалась быстрая дробь копыт по булыжнику, и мимо с грохотом пронёсся экипаж доставки. Кучер с любопытством покосился на меня, вероятно гадая, почему я стою без дела на одном месте. В Лондоне девушка, вышедшая на прогулку в одиночестве, не могла остановиться ни на секунду, даже чтобы высморкаться: в ней сразу

начинали подозревать «общественное зло» — ещё один эвфемизм для «ночной бабочки».

— Мне непонятно это молчание, эта задержка, — снова слышался голос Шерлока. — Если Ватсона похитили — почему никто не просит выкупа? Если это мой враг — почему я не получил никакого послания с самодовольными речами о совершённой мести? Прошло уже несколько дней — должна была прийти хоть какая-то весточка. Вам нечего сообщить? Ничего необычного?

Ответ миссис Ватсон был кратким.

— Цветы? — нетерпеливо переспросил Холмс. — Нет, это вполне естественный жест, принятый в хорошем обществе. Полиции потребуется доказательство более весомое, нежели чем спрятанная врачебная сумка и букет от неизвестного дарителя. Прошу вас, подумайте, неужели ничего...

Миссис Ватсон что-то произнесла надломленным голосом.

— Вы правы, отметить вариант с убийством нет причин, — сдавленным голосом ответил Шерлок. — Это объяснило бы молчание со стороны преступника. Да, я тоже об этом думал, однако не хочу терять надежду. Нельзя терять надежду! И, — пламенно добавил он, — я не успокоюсь, пока не докопаюсь до истины!

Наступила долгая пауза. По дороге проехала небольшая карета. На меня покосились и кучер и пассажиры. Я почувствовала себя мишенью на тренировке по стрельбе.

Наконец мой брат снова подал голос:

— Мы не должны сдаваться. У нас нет выхода. Вы ничем не можете мне помочь?

Тишина.

— К вам приходили гости? Помимо той слащавой девушки, которая только что ушла? К слову, кто она?

О господи. Я больше не могла выдерживать эту пытку и, развернувшись, зашагала по улице «сдержанно и тихо, не слишком медленно и не слишком бы-

стро, со знающим взглядом», как советовала книга под названием *«Нравственный советник леди»*. Только завернув за угол, я опустила плечи и выдохнула.

Интересно, добавил ли Шерлок в список подозреваемых меня?

Хотелось бы надеяться, что нет. Привлекать его внимание к «слащавой девушке» не входило в мои интересы. Тем более что ему нельзя тратить время на фальшивые зацепки, когда он должен искать Ватсона...

Но выйдя на оживлённую улицу, заставленную лавками и магазинчиками, я осознала, что Шерлок в самом деле тратит время зря. («Не задерживайтесь у витрин; постарайтесь не обращать внимания даже на самые заманчивые товары. Мимо мужчин проходите не поднимая взгляда, но держите их в поле зрения...») Пусть мой брат невероятно умен, но, пренебрегая женской сферой, в данном случае — символизмом букетов, он раз за разом допускает одну и ту же ошибку.

«Послание с самодовольными речами о совершённой мести» всё-таки пришло, и пришло в виде боярышника, белого мака, вьюнка и, как ни странно, спаржи.

Значение спаржи, признаюсь, от меня ускользало. Однако я не сомневалась, что цветы отправил не преступник из криминального мира и не армейский недруг Ватсона. Нет, букет подобрал человек, которому не место ни там, ни там, человек, чересчур выделяющийся: эксцентричный, подлый и мстительный — но в то же время изобретательный и творческий, наслаждающийся сладостным безумием и при этом настолько погружённый в ботаническое злодейство, что выращивает боярышник в теплице.

Глава седьмая

КАК отыскать этого эксцентричного человека? Мне на ум пришло три варианта. Первый (найти и изучить все теплицы) занял бы много времени, а второй был более надёжным. Я тут же взялась за дело и отыскала местечко, где можно посидеть с карандашом и бумагой в руках. День стоял великолепный, и я выбрала скамейку подле общественного питьевого фонтана, нового сооружения в западном Лондоне, по габаритам не меньше любого военного памятника и украшенного крылатыми скульптурами; сама чаша была задумана, наверное, как раковина морского

гребешка, но в моих глазах больше походила на гриб-трутовик, растущий на стволе дерева; свежая вода для леди и джентльменов лилась из крана в виде дельфина. Ниже располагался жёлоб, из которого могли пить лошади, а ещё ниже, у тротуара, проходил узкий желобок для собак и, скорее всего, для кошек, крыс и уличных ребятишек. Итак, я села у этого великолепного памятника гигиене, достала из кармана карандаш и бумагу и составила послание для колонки объявлений всех лондонских газет. Мне пришлось переписать его несколько раз, пока я не добилась идеальной лаконичности:

**БОЯРЫШНИК, ВЬЮНОК, СПАРЖА И МАК: ЧТО
ВАМ НУЖНО? ОТВЕЧАТЬ СЮДА. М.М.В.**

Я взяла инициалы Мэри Морстен Ватсон, чтобы создать впечатление, будто заметку написала она.

Довольная результатом, я переписала сообщение несколько раз — для множества лондонских изданий. А потом запрыгнула в проезжающий мимо трамвай (я научилась делать это на ходу, как любая современная городская девушка), заплатила пенни за проезд и доехала до Флит-стрит.

Я не раз посещала издательства на Флит-стрит, и со мной обращались вежливо, но без особого интереса. Сегодня же работники были особенно услужливы и явно заинтересованы в моей персоне. Мои мысли занимали другие заботы, и я не сразу догадалась, что стало тому причиной.

«Ох, ну конечно! — возмутилась я про себя, вспомнив о своей неестественно привлекательной маскировке. — Вот глупцы!»

К тому времени, как я разнесла и оплатила все объявления, день перетёк в ночь, и я порядком утомилась, но отдохнуть

пока не могла. Я должна как можно скорее напасть на след загадочного отправителя зловещего букета. Никто не стал бы выращивать боярышник с вьюнком в теплице ради одного мгновения триумфа; нет — столь целеустремлённый злопыхатель наверняка ещё даст о себе знать грозными цветочными посланиями. И мне хотелось бы перехватить следующее.

Для этого требовалось вернуться на сцену преступления. Темнота играла мне на руку: я не хотела, чтобы миссис Ватсон меня увидела. А чтобы подстраховаться, я поехала в кебе.

Меня высадили прямо перед нужным мне домом, и я попросила кебмена подождать, так что его крупный четырёхколёсный экипаж остановился между мной и резиденцией доктора Джона Ватсона. Дело в том, что прямо через улицу от Ватсонов сдавалась комната.

Я постучала дверным молотком и мысленно воззвала к Фортуне, чтобы окно

в интересующей меня комнате выходило на эту сторону.

Оно выходило.

Превосходно.

В остальном же комната оставляла желать лучшего: холодная, голая, безрадостная, с твёрдой и узкой как доска кроватью и несговорчивой хозяйкой с суровым прищуром, которая заломила слишком высокую цену. Неудивительно, что съёмщиков так долго не находилось. Я немного поторговалась, но только для виду — на самом деле мне пришлось бы согласиться на любые условия — и наконец обменяла немаленькую сумму на ключ от двери.

Видите ли, следующим утром мне было необходимо здесь затаиться. Со времени моего визита к миссис Ватсон прошло полдня, и ей вполне могли доставить очередной подозрительный букет, но я не сомневалась, что злопыхатель отправит по меньшей мере ещё один, и не хотела его прозевать.

Кучер отвёз меня к станции Олдгейт, и, отпустив его, я вошла на станцию, вышла через другую дверь и поймала другой кеб. Для меня подобные предосторожности стали обыденностью. Кебменов нередко расспрашивают об их пассажирах, а я была беглянкой, скрывающейся от величайшего детектива в мире, и осмотрительность мне уж точно не помешает.

Второй кеб доставил меня на улочку Ист-Энда, куда я обычно предпочитала возвращаться пешком — к пансиону. Я попросила кучера подождать у входа и поспешила собирать вещи, попутно объясняя встревоженной и растерянной миссис Таппер, стоящей на пороге моей комнаты, что происходит.

— Я на пару дней поеду в гости к тётушке.

— А? — Она поднесла рупор к уху.

— Я еду в гости к тётушке!

— А?

Она широко распахнула водянистые глаза, изо всех сил напрягая слух, но

не решаясь подойти ближе. Наверное, ей было странно наблюдать за миловидной девушкой, бросающей в сумку одежду страшненькой на вид постоялицы, которая последний месяц носа не казала из своей комнаты. Вполне возможно, миссис Таппер гадала, не сошла ли я с ума, не представляю ли угрозы для общества и не вызвать ли ей констебля.

— А? Куда-то вы в темнотищу такую собрались?

— Еду! Гости! Тётушка! — крикнула я прямо в рупор, после чего взяла в каждую руку по сумке и выскочила за дверь.

* * *

На следующее утро — воскресное — я приклеила родинку и нанесла на лицо румяна и пудру, чтобы выйти на улицу в образе обворожительной девушки; должна сказать, эта маскировка отни-

мала много сил: даже леди, собираясь в церковь, тратили меньше времени на то, чтобы прихорошиться. К счастью, парик пока сохранял форму и причёсывать его не было нужды. Я водрузила его прямо со шляпкой на столбик кровати, где он ждал своего часа — я собиралась надеть этот тяжёлый жаркий инструмент пыток в самый последний момент. Чтобы меня не увидели без парика, я попросила мою противную хозяйку принести завтрак наверх и оставить поднос у двери. Затянув корсет, чтобы создать силуэт песочных часов, и нарядившись в соблазнительное плиссированное платье цвета парижской зелени, я села у окна с биноклем и, прячась за кружевными занавесками, принялась наблюдать за улицей и в особенности за домом Ватсонов.

Важнее всего было скрыть мой внезапный переезд. Пройдёт несколько дней — и я смогу спокойно попадаться на глаза соседям. Миссис Ватсон не слишком удивится, если мисс Энверуа подойдёт

к ней, расскажет, что заметила табличку «Сдаётся комната» на другой стороне улицы — вот везение, ведь она как раз искала новое жильё! — и спросит, нет ли новостей о пропавшем докторе Ватсоне.

Правда, я надеялась, что через несколько дней смогу вернуться в Ист-Энд, поскольку в первые же часы слежки мне всё это уже сильно наскучило. На улицах в «приличном районе» ровным счётом ничего не происходило.

Вскоре появилась процессия вычищенных до блеска кебов — ведь чистота здесь приравнивалась чуть ли не к святости. Это приехали с воскресной службы мои новые соседи, включая миссис Ватсон.

Я обратила внимание, что миссис Ватсон остановилась погладить запряжённую в экипаж лошадь; женский пол обычно не рисковал подходить к лошадям, боясь запачкать парадно-выходное платье. Я с восхищением и сочувствием посмотрела на обаятельную супругу док-

тора Ватсона; она была в чёрном, будто уже скорбела по мужу.

Прихожане разошлись по домам, и почти час ничего не происходило.

Затем я увидела сторбленную, закутанную в шаль старушку с большой корзиной цветов. Она шла по улице, слегка прихрамывая. Бедняжка стучала в каждую дверь и предлагала купить у неё фиалки.

Спустя ещё полчаса под окном проехала телега с цистерной воды. Лошадь бежала рысью, гордо приподняв хвост; за такой красавицей приятно наблюдать, если не знаешь, что она оставляет за собой кучи навоза. Вот забавно: ведь телеги с водой призваны держать в чистоте лондонские улицы, обычно покрытые толстым слоем грязи, и кучер не может остановиться отдохнуть ни на минуту, поскольку в городе полно лошадей и каждая из них¹ производит сорок пять фунтов навоза за день — по крайней мере, так мне говорила мама...

Не думай о маме.

Чтобы отвлечься, я потянула за красивую опаловую брошь на груди, которая на самом деле была частью потайного кинжала, скрытого в корсете. Стиснув его рукоять, я сразу почувствовала себя увереннее. Однажды мне пришлось воспользоваться этим оружием — против душителя. А в другой раз я сама чуть не пострадала от лезвия ножа, но меня спасли пластины из китового уса. В полной мере оценив пользу корсета, я заказала себе несколько штук — не врезающихся в кожу и не царапающих подмышки, но защищающих от негодяев вроде Джека-потрошителя и поддерживающих подушечку на грудь и турнюр, которые, делая пышнее мою невыразительную фигуру, в то же время служили хранилищем для самых необходимых вещей и крупной суммы денег, оставленной мне матерью.

Не думай о маме!

Я поспешно вернула кинжал на место и начала мысленно перечислять всё, что лежало в моей подкладке на грудь. Бинт, маленькие ножницы, бутылочка йода, запасные чулки, иголка с ниткой...

За окном прошла няня в своей лучшей синей накидке и симпатичном капоре. Одной рукой она толкала детскую коляску с поднятым тентом от солнца, а другой вела за собой малышку в розовом кружевном платье и белом переднике.

Скукотища.

...платок на голову, шиньон, пенсне для маскировки, лорнет в качестве лупы, нюхательная соль, пара сладких леденцов, печенье...

Из-за угла выбежал мальчишка в лохмотьях. Он нёс огромный букет — чуть ли не вдвое больше его самого.

Я тут же бросила перечисление своих богатств и вцепилась в бинокль, чтобы лучше разглядеть цветы. К сожалению, невежа нёс их головками вниз, зажав стебли под мышкой, словно боялся, как

бы они его не укусили! Мне пришлось довольствоваться тем, что я увидела его глуповатое лицо и клетчатую одёжку. Мальчишка остановился и, разинув рот, принялся рассматривать номера домов.

Я даже и представить не могла, что букет может предназначаться кому-то, кроме миссис Ватсон.

Сердце тревожно колотилось в груди. Нет, быть не может. Наверняка это...

Да.

Внимательно изучив табличку с номером у двери, посыльный поднялся на крыльцо дома Ватсонов.

И теперь, когда он повернулся ко мне спиной, я наконец смогла как следует рассмотреть букет.

Ракитник «золотой дождь».

Колокольчик.

Очередной вьюнок.

Очередные тонкие ветви спаржи.

Веточки тиса.

Боже правый!

НЭНСИ СПРИНГЕР

Я отбросила бинокль, резко поднялась, надела парик вместе со шляпкой, схватила накидку и выбежала из своего временного жилища, чтобы перехватить мальчишку после того, как он отдаст служанке букет.

Глава восьмая

Видите ли, «золотой дождь» называется романтично и выглядит очаровательно, однако его цветы, нависающие над землёй жёлтым каскадом, символизируют горькие слёзы.

Синий колокольчик всегда ассоциируется с феями, злым волшебством и якобы приносит неудачу, и значение его — «отдаваться горю».

Тис обычно растёт на кладбищах и означает смерть.

И без выюнка со спаржей было ясно, что этот зловещий букет составил тот же злопахатель, что и предыдущий. Вполне вероятно, что именно этот таинствен-

ный даритель стоит за исчезновением доктора Ватсона.

Я поспешно выбежала на улицу, но несчастный мальчишка с губами как у рыбы, который до этого передвигался медленнее черепахи, теперь мчался со скоростью света, и я только успела увидеть, как он заворачивает за угол.

Ну нет, тебе от меня не скрыться! Подхватив обеими руками подол юбки, я помчалась за ним.

У меня длинные ноги, и бегать я люблю, как и лазать по деревьям, чем, ведя себя как мартышка, всегда позорила семью. Но дурацкая юбка ужасно мне мешала, хоть я и подтянула её до самых колен. Вместо того чтобы помогать себе руками, я, чтобы набрать скорость, трясла головой и раскачивалась из стороны в сторону. Наверное, со стороны я казалась долговязой гусыней цвета парижской зелени, которая спешит за своими детками.

Случайные прохожие бросали на меня потрясённые взгляды. Помню, как я пронеслась мимо леди, застывшей, будто соляной столп, и прижавшей к открытому рту руки в шёлковых перчатках, а что подумали увидевшие меня джентльмены, сказать сложно, потому что я, сосредоточенная на своей цели, не обращала внимания на окружающих. Но если девушка ещё могла позволить себе надеть вечернее платье с глубоким вырезом, то уж ее голени и лодыжки не должен был видеть никто, и даже тонкая полоска кожи, выглядывающая из-под подола, считалась возмутительно неприличной.

Я забежала за угол и увидела, что посыльный в лохмотьях ускакал ещё не слишком далеко.

— Мальчик! — окликнула его я.

Мне казалось, что мой голос прозвучал довольно ласково и мальчишка непременно обернётся, остановится и с радостью со мной побеседует, а потом я дам ему пенни. Ничего подобного.

Он оглянулся на меня через плечо, вскинул брови и пустился наутёк, словно испуганный заяц, за которым гнались собаки.

Вот дурачок, чего ему бояться?

— Эй, мальчик! Подожди, трусишка! Вернись!

Я ускорила и быстро нагнала это чахлое дитя трущоб. Я бы непременно его поймала, если бы он не повернул к Ковент-Гардену и не вылетел пулей на оживлённую улицу — не на тротуар, а прямо на дорогу. Мальчишка ловко маневрировал между телегами с картофелем, экипажами и кебами, в последний момент уклоняясь от лошадиных копыт. Здесь у городского ребёнка было огромное преимущество перед деревенской девчонкой, которой никогда не приходилось оббегать omnibuses! Я пустилась за ним в погоню, но вскоре потеряла его из виду.

Я остановилась на углу, где в последний раз видела негодного мальчишку,

запыхавшаяся и покрасневшаяся, одной рукой придерживая юбку, другой поправляя съехавший парик — как бы меня ни раздражало это кошмарное орудие пыток, надо было всё же надеть его заранее и закрепить шпильками. У меня не хватало сил даже выругаться. Я лихорадочно оглядывалась, гадая, куда повернуть.

Я готова была сдаться. Признаюсь, я в самом деле сдалась. Тяжело вздохнув, признавая поражение, я опустила измазанный в лошадином навозе подол юбки, скрыв лодыжки. А потом решила привести себя в порядок и, не обращая внимания на осуждающие взгляды прохожих в красивых воскресных нарядах, обеими руками взялась за съехавший парик, чтобы его поправить...

— Не надо! — раздался вдруг пронзительный возглас.

Я вздрогнула и огляделась. Тот самый мальчишка в лохмотьях, за которым я гналась, в ужасе смотрел на

меня из своего укрытия — ящика вроде тех, в которых выставляли бытовые товары. Очевидно, он хотел юркнуть в дверь свечной лавки, а я перекрыла ему путь к отступлению. Правда, если бы не его восклицание, я бы вряд ли его заметила.

— Пожалста, не надо! — взвыл мальчишка, проглатывая буквы.

Я замерла от потрясения, всё ещё не отнимая рук от парика:

— Не надо что?

Чего, хотелось бы знать, он так сильно испугался?

— Не сымайте волосы! — взвизгнул мальчишка. — И нос не сымайте, не надо!

— О, — протянула я и медленно, как будто понимающе кивнула. Видимо, бедняга был глуповат, и вести себя с ним следовало осмотрительно, как с загнанным в угол зверьком. Никаких резких движений. Я отпустила парик, и он кое-как плюхнулся на голову. —

Хорошо, — добавила я мягким, ласковым голосом. — Видишь, всё в порядке. Хочешь пенни? — Я достала из кармана горсть монет.

Увидев, как они блестят, и услышав их тихий звон, мальчишка слегка успокоился. По крайней мере, теперь он не выглядел таким запуганным.

— Я всего лишь хочу с тобой поговорить. Выйди, пожалуйста, — поманила его я.

— Нет!

— Что ж, тогда я сама к тебе подойду.

Я села прямо на тротуар перед ящиком, в котором прятался несчастный посыльный. Дело было не только в усталости — хотя я порядком утомилась от всей этой беготни, — но и в восхитительной абсурдности происходящего. Вокруг раздались изумлённые возгласы, и все, кто был в тот момент на улице, отшатнулись от меня, как будто я была разносчиком жуткой заразы. Всего два года назад, на Золотой юбилей королевы,

одна леди уселась на пол в Хрустальном дворце¹, чтобы украсить сапожок еловой веточкой; вскоре после этого её упрятали в сумасшедший дом.

Точнее, несчастную туда заключил муж. Нередко такое случалось, что жену отправляли в психиатрическую лечебницу за чтение романов, увлечение спиритическими сеансами, ссоры, неповиновение и так далее. В отличие от скандального развода отдать надоевшую супругу санитарам в чёрном ландо считалось достойным способом от неё избавиться.

«Хорошо, что я не собираюсь замуж», — с улыбкой подумала я, всё ещё тяжело дыша после долгой погони. Усевшись напротив грязного оборвыша, как

¹ Золотой юбилей правления королевы Виктории праздновался в 1887 году. Хрустальный дворец (*Crystal Palace*) — павильон из стекла и чугуна, выстроенный к первой Всемирной выставке 1851 года и демонстрировавший достижения науки. Позднее в нем проводились выставки, спортивные состязания, музыкальные фестивали и проч. Популярное место отдыха лондонцев.

будто мы с ним были детьми и играли в чаепитие, я сказала:

— Добрый день. Очень рада встрече. — Я зажала монетку между пальцами, словно конфету. — Я случайно заметила, как ты принёс к дому Ватсонов красивый букет.

Мальчик посмотрел на медный кругляшок и осторожно произнёс:

- Не знаю никаких Ватсонов.
- Тогда как ты узнал, куда тебе надо?
- Дядька сказал мне номер.
- Какой дядька?
- Ну, тот, который нос снял.

Теперь у меня гудели не только ноги, но и голова. Однако я снова кивнула со знающим видом, не сказала, что снять нос физически невозможно.

— Как вы встретились?

— Он меня подозвал. — Мальчишка махнул рукой, изобразив жест, которым обычно подзывали к себе какого-нибудь уличного бездельника, чтобы он отнёс по адресу свёрток или письмо, придер-

жал лошадь за уздцы или ещё как-нибудь услужил.

— Он сидел в двуколке или в «собачьей тележке»?¹ — уточнила я.

— Нет! Эт' была хорошая, блестящая карета — нормальная, с лошадьми.

Я не стала ему объяснять, что в «собачью тележку» тоже запрягают лошадей, просто там под сиденьями есть место для собак.

— Фаэтон? Брогам?²

— Не слышал ни о каких тонах и рогах. А карета чёрная была, красивая, с жёлтыми спицами в колёсах.

Под это описание подходила половина экипажей в Лондоне.

— Ты заметил герб? Что на нём было — мантия, щитодержатели?³

— Точно, мантия на нём была, — кивнул мальчишка, явно пропустив

¹ Вид экипажа с местом для собак под сиденьями.

² Закрытый четырёхколёсный экипаж небольших размеров, обычно двухместный.

³ Элемент герба, фигуры, расположенные по бокам щита.

мимо ушей непонятное слово «герб». — Ну то бишь плащ какой-то. А держал он не щит, а эт', цветы, конечно. В одну руку мне их дал, а в другую два пенса сунул.

Он явно перестал меня бояться и потому разговорился, что сыграло мне на руку: у меня у самой пропал дар речи. Как прикажете расспрашивать такого дурачка с чересчур большой головой на чахлом тельце?

— Мм... И как выглядел этот человек?

— Как? Ну как всякий жентельмен. Морда вытянутая, бородка жиденькая, шляпа высокая. Только нос он снял.

Вот опять!

— Снял? — уточнила я, стараясь не показывать своего удивления.

Очевидно, мне это удалось. Иначе бедняга, наверное, не смог бы вымолвить ни слова и оцепенел бы от кошмарных воспоминаний. Он поспешно выпалил:

— Хватил им об дверь — ну когда голову высунул, штоб цветы мне дать.

А нос возьми да упади ему на колени. Уж не знаю, чего я сильнее испугался — шо нос отвалился или шо дядька этот его подхватил, потряс им и сказал: мол, цветы отнеси быстрее, а не то приду за тобой и тебе нос оторву, да и глазёнки твои заодно выдеру.

— Мм... А крови на нём не было?

— Нет! — Мальчик вздрогнул. — Лицо было прям как из воска лепленное.

— А что осталось на месте носа?

— Ничегошеньки! Ну то бишь щели одни, как у скелета. — Бедняга поёжился.

— Щели?

Больше подробностей я не добилаь: мальчишка уже дрожал всем телом и смотрел на меня глазами, полными ужаса.

— Пожалста, вы не сымайте ни волосы, ни уши — ничего не сымайте!

— Да что ты — с чего бы мне это делать? А потом он прикрепил нос на место?

— Не знаю! Я ноги унёс! С букетом управился, а потом вы за мной погна-

лись! — Мальчишка всхлипнул и заплакался. Он не ревел, как юный варвар, а горестно, отчаянно скулил. Очевидно, эта зловещая встреча потрясла его до глубины души. — А зачем вы за мной гнались-то?

— Не важно. — Я поднялась на ноги, чувствуя на себе осуждающие взгляды прохожих, протянула мальчику не пенни, а целый шестипенсовик — из сочувствия к его горю. Я поняла, что больше от него ничего толкового не добиться.

Толкового? Как будто в том, что он мне рассказал, был хоть какой-то смысл!

Глава девятая

Я вернулась в своё временное жилище самым сложным, извилистым путём, стараясь никому не попадаться на глаза, и попросила хозяйку нагреть воды. Пока я мылась, переодевалась в чистую одежду, тёрла щёткой подол испачканного платья, причёсывала парик и укладывала его в модную причёску, я думала.

Точнее, пыталась думать, а на самом деле размышляла, как человек мог лишиться носа. Кажется, в эпоху Возрождения один датский астроном потерял свой нос в дуэли, но сейчас все сражались на пистолетах, а не на мечах. К тому же в Англии дуэли были запрещены, и хотя

в некоторых далёких маленьких странах на континенте их всё ещё практиковали, сложно было поверить, что нос могли отстрелить из пистолета. Впрочем, отбрасывать такую возможность нельзя. После того как датский астроном — я наконец вспомнила его имя, Тихо Браге, — из-за дуэли лишился части носа, он поставил себе протез из серебра¹.

Странно, почему он не выбрал золото — такой же отменный показатель дурного вкуса! Впрочем, до правления королевы Виктории люди, вероятно, мыслили иначе. Если подумать, среди англичан много таких увечных, потерявших части лица если не на дуэли, то на войне, во время Индийского народного восстания или, к примеру, Второй англо-афганской войны². Но вряд ли они

¹ Реальная история про великого датского астронома шестнадцатого века.

² В годы правления королевы Виктории почти не воевали в Европе, зато было много колониальных войн. Индийское народное восстание, оно же восстание сипаев, было в 1857–1859 годах против жесточайшей политики

носят серебряные протезы вместо носа, подбородка или ушей. Так что же...

В дверь застенчиво постучали, и хрупкая помощница хозяйки, не больше десяти лет от роду, спросила:

— Вы будете ужинать, мисс Энверуа?

— Да, сейчас спущусь.

В доброте нынешняя хозяйка уступала миссис Таппер, зато в готовке заметно её превосходила.

Я отправила девочку за вечерними газетами и спустилась на кухню, где мне подали великолепную жареную ягнятину под мятным соусом. После ужина я поднялась к себе в комнату, включила газовую лампу и, радуясь столь удобному и хорошему освещению и стараясь не обращать внимания на шипение труб, похожее на бормотание сумасшедшего,

Ост-Индской компании. В результате восстания Индия перешла под управление короны и королева Виктория стала императрицей Индии. Вторая англо-афганская война была в 1878–1880 годах. В результате ее Великобритания получила протекторат над Афганистаном через лояльное Англии правительство.

опустилась на неудобный стул и просмотрела все газеты по очереди, проверяя, не появилось ли новостей по делу Ватсона — нет, никаких, — и поместили ли моё послание «Боярышник, вьюнок, спаржа и мак: что вам нужно? Отвечать сюда. М.М.В.» в разделе объявлений.

Да, поместили.

Как бы ни обстояло дело с носом, странно, что зловещие букеты отправляет именно мужчина. Обычно язык цветов считается женской областью знаний, хотя, конечно, есть эксцентричные начинающие учёные, последователи Мальтуса и Дарвина, которые занимаются перекрёстным опылением орхидей в теплицах. Впрочем, любой, кто когда-либо ухаживал за девушкой, и, пожалуй, каждый второй муж отчасти разбирается в значении растений. Хорошо, что мои братья — убеждённые холостяки и мало об этом знают. Разумеется, сейчас Шерлок должен особенно внимательно следить за объявлениями в газетах в надежде

найти зацепку в деле Ватсона, и он наверняка заметит послание с «боярышником, вьюнком, спаржей и маком» — но, скорее всего, предположит, что это я переписываюсь с мамой, и вряд ли догадается о его сути. Так или иначе, я надеялась получить ответ от загадочного злопыхателя на следующее утро.

А пока я принялась за изучение вчерашних и свежих газет, на что до этого у меня не нашлось времени.

Газет набралось много, а читала я их исключительно потому, что привыкла быть в курсе всего, и к определённом моменту перестала вникать в суть написанного. Я зевнула и решила, что просмотрю только колонку объявлений в «Пэлл-мэлл газетт» и брошу всю пачку в камин...

И тут я его увидела.

5232111311131412131123626152114151614
2234151115255215255633123653443322211
1363616211

О.

Быть не может.

Сон как рукой сняло, и я, сглотнув от волнения, потянулась за карандашом и бумагой.

Первым делом я разбила алфавит на пять частей, убрав «ё», «й» и «щ», буквы-«двойники»:

АБВГДЕ
ЖЗИКЛМ
НОПРСТ
УФХЦЧШ
ЪЫЬЭЮЯ

Затем я начала расшифровывать первое слово. Пятая строчка, вторая буква — Ы. Третья строчка, вторая буква — О.

ЫО?

Осознав свою ошибку, я попробовала другой ключ. Пятая буква, вторая строчка — Л. Третья буква, вторая строчка — И. Первая буква, первая строчка — А. И так далее: ЛИАНА.

Да, это адресовано мне.

Шипение газа в трубах вдруг стало походить на шёпот привидения, а грудь словно сжал невидимый тугой корсет. Прерывисто дыша, я бросилась переводить остаток шифра. Времени на это ушло немного.

ЛИАНА НУЖНА ОМЕЛА ГДЕ КОГДА ЛЮБЛЮ ТВОЯ ХРИЗАНТЕМА

Послание одновременно и радостное, и тревожное.

Я больше не могла отмахиваться от мыслей о матери.

* * *

Ночью я никак не могла уснуть. Если бы моя тёплая неприметная тёмная одежда не осталась у миссис Таппер, я бы и не стала ложиться, а отправилась бы на поиски несчастных обитателей улиц, чтобы поделиться с ними едой и мо-

нетами, — и это отвлекло бы меня от мрачных размышлений. Подобные ночные прогулки вошли у меня в привычку, а Виола Энверуа, будь она неладна, ограничивала мою свободу. Вместо этого я вынуждена была лежать на узкой твёрдой постели, и мысли бесновались у меня в голове, будто шумные невоспитанные дети.

Когда мир успел перевернуться с ног на голову? Мама никогда не начинала беседу первой. Первой всегда писала я.

Это ловушка. Прямо как в прошлый раз — с ответом якобы от мамы, который на самом деле составил Шерлок, чтобы меня поймать. Только теперь он разобрался в языке цветов и вместо «встреча» написал «омела»...

Но разве стал бы Шерлок тратить на меня время, когда доктор Ватсон в опасности?!

Может, это всё-таки мама?

Значит, она в беде.

Но если дело срочное, почему она сама не выбрала время и место?

А если мне хотят устроить ловушку — не пытаются ли меня заманить тем, что позволяют самой выбрать время и место?

Да и мама, если разобраться, выбрала бы не омелу — символ свидания влюблённых, — а полевой «очный цвет»¹.

Разве что она решила, что это слишком мудрёно.

Хотя ведь можно было оставить просто «очный цвет» или его латинское название «анагаллис» — и я бы всё поняла.

Скорее всего, мама так бы и поступила. А это сообщение написала вовсе не она, и оно призвано заманить меня в ловушку.

Но зачем? И кто его составил?

Послание напечатали только в «Пэлл-мэлл газетт» — в других изданиях его не было. Только в маминой любимой

¹ Растение с небольшими красными цветками из пяти лепестков. Широко распространённый сорняк.

газете. Нет, все-таки это от мамы. Мне так хочется, чтобы оно было от мамы.

Мне что, хочется увидаться с мамой?

Да.

Нет. Нет, я зла на неё, и вполне обоснованно.

ЛИАНА НУЖНА ОМЕЛА ГДЕ КОГДА ЛЮБЛЮ ТВОЯ
ХРИЗАНТЕМА

Меня смущало это «люблю».

Мама никогда в жизни мне такого не говорила.

Нет, послание фальшивое.

Мамино «люблю» — это то, чего мне всегда не хватало.

Либо шифр составил кто-то другой — но кто и зачем? — либо мать наконец нашла для меня место в своём сердце.

Если я не отвечу — буду вечность мучиться догадками.

Если отвечу — подвергну риску себя и свою свободу, и всё ради одного жалкого слова.

Когда не знаешь, как поступить, благоразумнее всего бездействовать, но я терпеть не могла сидеть сложа руки. Именно поэтому меня влекло в ночь, и без этой отдушины моё сердце изнывало. Так и не сомкнув глаз, я встала на рассвете и стала собираться к выходу, хоть и не знала, куда отправлюсь и с какой целью. Я надела корсет с кинжалом и подушечками, нижние юбки, платье — струящееся, воздушное, с рюшами, оборками и лентами — для «променада» по городским улицам и прихорошилась (то есть полностью замаскировала лицо). В голове у меня роились всё те же мысли: действительно ли шифр составила мама? Стоит ли отвечать? Если да, то что написать в ответе и когда лучше его отправить?

Мне не нравилось находиться в подвешенном состоянии, но всё же я решила немного подождать. С одной сто-

роны, в тот единственный раз, когда я обратилась к маме за помощью, она всё никак мне не отвечала — и, как выяснилось, даже не собиралась; меня это так сильно задело, что я не хотела с ней видеться, пока моя обида не пройдёт, поскольку боялась сказать то, о чём потом пожалею. С другой стороны, было ужасно не ответить маме, когда она первой сделала шаг навстречу... Вдруг она тяжело больна и жить ей осталось недолго? И это наш последний шанс помириться?

Чушь. Будь мама при смерти, она не просила бы меня назвать время и место встречи!

Но...

Так мои мысли и вертелись по кругу, словно колесо мельницы, по одному и тому же в конце концов осточертевшему пути. Я напрочь позабыла о пропавшем докторе Ватсоне, одинокой миссис Ватсон и отправителе безобразных

букетов, и даже о загадочном съёмном носе.

Однако пока я наклеивала на висок родинку, у меня наступило прозрение, и некая тайная кухня на чердаке моего разума подала на блюдечке с голубой каёмочкой ответ на мучивший меня до этого вопрос: как изуродованные военные и дуэлянты скрывают недостатки своего лица? Передо мной словно открылся кухонный подъёмник, на котором в ресторанный зал отправляют поднос с эклерами, только вместо эклеров там лежал очевидный ответ: с помощью накладного носа, уха, и так далее, изготовленного из резины телесного цвета. А где найти такую вещицу? Конечно там же, где продают воск для грима, специальные нашлёпки на голову и тому подобный сценический реквизит! Возможно, даже в том самом магазинчике, где я приобрела родинку и парик.

В «Пертелотте».

ЭНОЛА ХОЛМС И ТАИНСТВЕННЫЕ БУКЕТЫ

Бывшем «Шантеклере».

Вот оно, спасение! Туда я и отправлюсь — ведь мне отчаянно необходимо хоть чем-то себя занять.

Глава десятая

Надо отдать должное хозяйке магазинчика: когда я вошла, она не воскликнула и даже не разинула рот от удивления, а только посмотрела на меня и пробормотала:

— Бох ты мой. Вот это да. Хорошо же у вас вышло. Поздравляю, мисс... э-э-э... Энверуа.

Видно, она вспомнила и непримечательную покупательницу, которая помимо прочих вещей приобрела у неё парик и родинку, и имя, которое та же покупательница попросила напечатать на визитках.

Я улыбнулась:

— Спасибо.

Пертелотта прекрасно понимала, что это имя поддельное, как и сама личность мисс Энверуа, но в её голосе не было ни тени насмешки, лишь тёплые нотки, ласкающие слух, как мать — дитя...

Как будто мама меня ласкала!

Не думай о маме.

— Чем вам сеходня подсобить?

Я с трудом упорядочила собственные мысли и сосредоточилась на текущей задаче: ненавязчиво расспросить Пертелотту о том, что меня интересует. Для этого важно было притвориться, будто я пришла по другому вопросу.

— «Испанская бумага», — сказала я, — не слишком удобна. Нет ли у вас... чего-нибудь...

— Ну конечно, идёмте за мной.

Она подвела меня к алькову в дальней части магазинчика, отделённому от основного помещения ширмой, где хранились склянки с невероятными жидкостями, пастами и пудрами, с помощью

которых можно было сделать глаза более выразительными. Капли для ясного взгляда. Мазь для роста ресниц вместо накладных подделок. Блеск для век и бровей, тени и пастельная подводка.

— Секрет в том, штобы нанести самую каплю, — объяснила Пертелотта. — Как заметят, шо чья-то рука тут поработала, — весь смысл теряется.

Я опустилаь на табурет перед чудесным туалетным столиком, накрытым кружевной салфеткой и с хорошо освещённым зеркалом на нём, и принялась изучать все баночки и скляночки по очереди, втирая в кожу волшебные субстанции.

— Поразительно! — воскликнула я.

— Так и есть.

— Ими пользуются в театре?

— Нет-нет, для сцены нужно чево поярчее. А эт' средства лёхкие, незаметные, мисс Энверуа. Такие, поди, прячут у себя в будуарах храфини, герцохини и даже королевы.

Разумеется, она преувеличивала, но я, признаюсь, осталась под впечатлением и отчасти ей поверила. Я подняла взгляд на её простоватое лицо с крупными чертами в обрамлении клокочев седоватых волос.

— Сочту за честь тоже ими пользоваться. Но откуда они у вас?

— Как же, это моя работа.

— Да, но почему вы ею занимаетесь?

— То бишь — почему такая уродина, как я, продаёт секреты красоты? — прямолинейно спросила Пертелотта без тени горечи — напротив, в её голосе играли весёлые нотки. — Забавно, правда?

Её удивительная искренность смутила и в то же время восхитила меня.

— Я вовсе не это имела в виду, — возразила я. — Как вышло, что вы стали хозяйкой такого странного магазинчика?

Почему-то она замешкалась на секунду, прежде чем ответить:

— Ну, сказать по правде, раньше он принадлежал моему муженьку.

— Вот оно как! Шантеклер был вашим мужем?

Этого лавочника, само собой, никак не могли звать «Шантеклер», какими бы оригиналами ни были его родители, наверное, поэтому лицо Пертелотты приобрело такое странное выражение.

Я рискнула задать ещё один вопрос:

— Так он играл в театре или как-то был с ним связан, что решил открыть этот магазинчик?

— Нет, вовсе нет, — неохотно ответила Пертелотта.

— А теперь он... мм... на небесах?

Нет ничего странного в том, что вдова переняла дело усопшего супруга.

— Нет, ушёл на покой, — сухо произнесла Пертелотта, показав, что не желает дальше отвечать на вопросы.

Однако я не сдавалась:

— Правда?! Что ж, очень за него рада. И как он теперь коротает время?

— Да в своей драгоценной теплице! — сердито воскликнула Пертелотта, как

будто он не выращивал растения, а убивал на досуге щенят.

В теплице?!

Я надеялась узнать, не спрашивал ли здесь кто накладные носы, а в результате выяснила, что муж Пертелотты, вполне вероятно, выхаживал зловещие цветы!

— Вам не нравится теплица? — робко спросила я.

— Мне не нравится муж, — мрачно и чистосердечно отозвалась Пертелотта, и мы обе рассмеялись. — Хотите взглянуть на новенькие средства для подчёркивания губ, мисс Энверуа? — продолжила она, ловко переводя тему.

Чтобы её умаслить, я согласилась и подкрасила губы розовой мазью, а затем выбрала несколько скляночек на щедрую сумму, в надежде, что Пертелотта не будет держать на меня зло за моё любопытство. Она завернула покупки в коричневую бумагу, и я спрятала свёрток к себе в сумку. Мы уже попрощались, но на пороге я застыла в нерешительности.

Мне не удалось обходным путём узнать то, за чем я пришла, — оставалось только спросить напрямую, сейчас или никогда.

— Скажите, — как бы небрежно начала я, — миссис...

Я сделала паузу, чтобы она назвала своё имя.

— Кипперсолт, — неуверенно промолвила хозяйка.

— Миссис Кипперсолт, вам не приходилось продавать накладные уши или, к примеру, пальцы тем, кто лишился своих?

— А как же... — гордо заявила она, кивая.

Я не дала ей договорить:

— А нос?

Пертелотта замерла и холодно ответила:

— Почему вы спрашиваете?

— Один мой знакомый страшно переживает из-за встречи со странным господином, у которого отвалился нос, — объяснила я. — Мне стало любопытно...

— Што он опять натворил?! — выпалила Пертелотта.

Ну-ка, ну-ка!

— Кто? — уточнила я.

— Не важно. — Её тёплая улыбка превратилась в оскал, а мышцы напряглись, и мне пришлось собрать всю волю в кулак, чтобы не отшатнуться в испуге. Теперь она казалась не по-матерински ласковой, а грозной и устрашающей. — Чего с расспросами-то лезете? — Её говор становился всё более грубым, а костяшки пальцев побелели. — Вы кто вообще такая? Как меня звать, вы теперь знаете, так и сами назовитесь. — Я промолчала. — Ах так?! Тохда я с вами дел никаких иметь не хочу! Выметайтесь отсюдова и больше не возвращайтесь!

* * *

Я не стала с ней спорить и поспешно покинула магазинчик, но изнутри меня разбирало любопытство. У Пертелотты,

точнее, у миссис Кипперсолт — надо обязательно запомнить её фамилию, — мне всего лишь хотелось узнать, возможно ли приделать к обрубку носа резиновый протез и не слышала ли она о подобных случаях.

Что ж, очевидно, она не просто слышала, а знала такого человека, даже слишком хорошо, и не желала его обсуждать. Что же мне теперь делать?

Я хотела присесть где-нибудь на Холивелл-стрит и записать свои догадки, чтобы поразмыслить над ними, но не могла остановиться — напротив, я только ускоряла шаг. Сложно было не заметить, что на меня оборачиваются чуть ли не все прохожие мужского пола. Бездельники, которые околачивались у сомнительных издательств, бросали на мисс Энверуа сальные взгляды и что-то кричали ей вслед. За мной даже увязался один прилипала... Нет, двое! Да что же, чёрт возьми, происходит?!

Тут я вспомнила, что так и не смыла румяна, тени, блеск и другие средства, которыми накрашилась в потайном алькове Пертелотты.

Господи, ну и простаки! Чем больше в женской внешности искусственного, тем сильнее их это притягивает... Нет, ну как можно потерять голову из-за парика, каких-то жалких подкладок и краски?! Видимо, я перестаралась.

Наконец мне удалось спастись с Холивелл-стрит и выйти на широкий тротуар центральной улицы. Я огляделась в поисках укрытия и услышала зов мальчишки-газетчика с ярко выраженным говором кокни:

— Хазьеты! Хазьеты!

Я поспешила к нему, бросила в протянутую кепку пенни, взяла свежую газету и сразу же её развернула, чтобы спрятаться от посторонних глаз.

Воспользовавшись минутой покоя, я отдышалась и представила себе маму, произносящую до боли знакомые слова:

«Энола, ты и одна прекрасно справишься». Я всегда повторяла их про себя, когда нуждалась в поддержке. Вот только сейчас они меня не успокоили — напротив, я закусила губу и в очередной раз задала себе вопрос: кто отправил мне послание «ЛИАНА НУЖНА ОМЕЛА ГДЕ КОГДА ЛЮБЛЮ ТВОЯ ХРИЗАНТЕМА» — мама или не мама? Ведь я до сих пор на него не ответила.

Меня терзали сомнения. Как быть с мамой? А со странным поведением миссис Кипперсолт? И с пропавшим доктором Ватсоном? Я окинула взглядом колонку объявлений в газете, которую держала в руках, и быстро отыскала ответ на свой вопрос о боярышнике, вьюнке, спарже и маке, но он не принёс мне удовлетворения:

М.М.В.: СОННАЯ ОДУРЬ. ВАШ ТИС.

Ничего нового он мне не сообщил. Только вселил ужас.

Сонная одурь, или белладонна, — дикое растение с ядовитыми плодами, и хоть в словаре языка цветов его нет, название и опасные свойства говорят сами за себя: это символ угрозы. А насмешливая подпись — отсылка к кладбищенскому дереву — не позволяла усомниться в том, что неизвестный угрожал отправить несчастного доктора Ватсона на тот свет.

Боже милостивый! Я обязана была помешать убийце, но как? Замерев за щитом газеты, я попыталась собраться с мыслями, но ничего дельного мне на ум не приходило. Краем глаза я заметила силуэты поглядывающих на меня зевак, которые явно намеревались последовать за мной, как только я сдвинусь с места. Мне всё ещё с трудом верилось, что некоторые мужчины так глупы! Хорошенькая девушка превращает их в отвратительных наглецов. Да, служащие в издательствах, куда я приносила текст объявления, вели себя с Виолой Энверуа совсем иначе...

Я широко распахнула глаза, поражённая светлой мыслью.

Служащие.

Газетные издательства.

Хмм.

Это рискованно — ведь я недостаточно опытна в искусстве обольщения, — однако попробовать стоит. В конце концов, я ничего не потеряю.

Сложив газету и спрятав её в сумку, я размеренным шагом отправилась к стоянке кебов, не обращая внимания на идущих за мной прилипал. Я выбрала четырёхколёсный экипаж с занавешенными окнами и крикнула кучеру:

— На Флит-стрит!

Глава одиннадцатая

Пока мы ехали, я обдумывала детали своего плана. Задачи у меня две: выяснить, как выглядит автор объявления «М.М.В.: Сонная одурь. Ваш Тис» и, если повезёт, кто он такой, и проверить, действительно ли сообщение об «омеле» написала мама.

На первом месте стоял вопрос о зловещих букетах — вполне возможно, что жизнь доктора Ватсона висит на волоске. К тому же «Сонная одурь. Ваш Тис» могли напечатать в нескольких газетах, если не во всех, так что на разгадку личности злопыхателя у меня было несколько попыток, а «52321113111314121311236261

5211...», «ЛИАНА НУЖНА ОМЕЛА...» появились только в «Пэлл-мэлл газетт», и признаюсь: когда придёт время заняться решением этого вопроса, я хотела бы понимать, что делаю.

Я достала из подушечки на груди ножницы, вырезала из газеты жуткое объявление и отбросила её на сиденье. На самом оживлённом уголке Флит-стрит (мне не хотелось привлекать к себе лишнее внимание) я постучала по крыше кеба, чтобы меня высадили. Оплатив поездку, я зашагала к ближайшей издательской конторе (так вышло, что это был «Дейли телеграф»), открыла дверь и подошла к столу, за которым молодой человек сальной наружности возился с пером и промокательной бумагой.

— Прошу прощения, — окликнула его я самым нежным и сладким голосом, какой только могла изобразить.

Он безразлично взглянул на меня, но, увидев, кто перед ним стоит, тут же резко

выпрямился, словно охотничья собака, заметившая добычу.

— Вы случайно не знаете, кто поместил в газете это объявление? — Я показала ему вырезку.

— Я... мм... — Он умудрялся, хоть и с трудом, одновременно читать текст послания и глазеть на соблазнительную мисс Энверуа. — Сонная одурь, Ваш Тис... Да-да, странное, правда? Кажется, припоминаю...

— Мы не разглашаем подобную информацию, — прервал нас строгий женский голос. Я подняла взгляд и увидела взрослую даму в таком же строгом, как её голос, наряде — вероятно, заведующую отделом. Она хмуро посмотрела на молодого человека за стойкой и сказала, обращаясь ко мне: — Вы, наверное, тоже хотели бы остаться неизвестной, если бы помещали анонимное сообщение в газете?

Я забрала у незадачливого служащего вырезки, развернулась и вышла из кон-

торы с гордо поднятой головой. Плакал мой шанс что-либо выяснить в «Дейли телеграф».

Я отправилась в следующее издательство.

Это было лишь началом долгого пути. Избавлю любезного читателя от подробного описания моих маленьких побед и неудач и скажу лишь, что мужской пол был со мной приветлив, а женский — совсем наоборот. От служащих мне удавалось добиться хоть какой-то информации, когда в помещении не оказывалось девушек. Двое молодых людей из разных издательств — не скажу, что джентльмены, поскольку они намекнули, что хотели бы получить что-нибудь взамен, и я чувствовала себя отвратительно, вытягивая из них нужные мне сведения, но приходилось терпеть их сальные взгляды ради благого дела, — снабдили меня описанием автора объявления, и, к большому моему удовольствию, их показания совпали. Записку про «сонную одурь» принёс че-

ловек необычной наружности, с серой бородкой и в цилиндре, хотя к высшему классу он явно не принадлежал — видимо, больше старался казаться, чем был на самом деле. Небольшого роста, он был костлявый и довольно неприятный на вид. Когда я спросила, чем он создавал такое впечатление, служащие ответили, что он выглядел странно. «Бледный, как мертвец», — сказал один из них. «Как прокажённый», — сказал другой. Я попросила уточнить почему, и он сначала растерялся, а потом ответил, что его смутило лицо загадочного посетителя. «Как будто это был вовсе не человек, а манекен из воска», — добавил он.

Их описание показалось мне довольно близким к тому, что дал перепутанный мальчишка-посыльный, когда я спросила, как выглядел человек, который поручил ему доставить букет: «Ну, как всякий жентельмен. Морда вытянутая, бородка жиденьякая, шляпа высокая. Только нос он снял». Человек с отру-

бленным носом, заменивший его протезом из воска для грима. Пожалуй, эта деталь могла придать его лицу жутковатое болезненное выражение.

Учитывая всё, что мне удалось выяснить, можно было с уверенностью заключить, что на моё объявление ответил не кто иной, как сам отправитель зловещих букетов, и хотя я радовалась этому подтверждению, меня терзал вопрос: как же отыскать этого эксцентричного господина?

Неизвестно.

Разве что Пертелотта, то есть миссис Кипперсолт, что-нибудь о нём знает — ведь на мои расспросы хозяйка магазинчика отреагировала довольно странно. «Што он опять натворил?!» — воскликнула она и прогнала меня прочь, приказав не возвращаться.

Хмм.

Мне хотелось выяснить, где живёт чета Кипперсолтов и растёт ли у них в теплице боярышник, и конечно, посмо-

треть на самого мистера Кипперсолта: убедиться, что у него на самом деле вытянутое, болезненное, мертвенно-бледное, будто восковое лицо.

Удастся ли мне найти их дом, если я прослежу за миссис Кипперсолт после того, как она закроет магазинчик на ночь?

Я всё обдумала и решила, что нет, это невозможно. Весной темнеет недостаточно рано, а если миссис Кипперсолт меня заметит, то непременно узнает, не важно, во что я буду одета — ведь она уже видела меня в нескольких разных обликах. И мне вовсе не хотелось заниматься преследованием. В прошлый раз, когда я «села на хвост» подозреваемому и пошла по тёмной стороне улицы, избегая света фонарей, меня чуть не раздавила кобыла клейдесдальской породы, запряжённая в телегу с древесиной.

Нет. Мистера Кипперсолта я отыщу иным способом.

«Кипперсолт» довольно редкая фамилия, и будь Лондон нормальным го-

родом, найти его жилище не составило бы труда. К сожалению, самой крупной столицей мира управляли хуже всего. В Лондон входило более двух сотен районов, каждый со своей канцелярией, своими сборщиками налогов, полицейскими и так далее.

Впрочем, если Кипперсолты живут неподалёку от своего магазинчика — что вполне вероятно, поскольку те, кто открыл своё дело до того, как рабочие с окраин Лондона начали стекаться в Сити для строительства метро, обычно снимали помещение рядом с домом, — так вот, если Кипперсолты живут на Холивелл-стрит или где-то поблизости, мне, чтобы раскопать нужную информацию, придётся посетить муниципальные конторы всего в двух-трёх районах.

Пока я всё это обдумывала, ноги принесли меня к последнему издательству, в которое мне осталось заглянуть: «Пэлл-мэлл газетт».

Я открыла дверь — и сердце у меня упало. За столом сидела суровая на вид дама, типичная старая дева.

И всё же сдаваться мне не хотелось. На подоконнике лежали выпуски последних нескольких дней, и я подошла их полистать. Моё глупое сердце тревожно стучало за плотным коконом корсета. Я нашла номер, в котором напечатали зашифрованное послание «5232111311 1314121311 2362615211 415161 42234151 11 5255215255 63312365 344332221113636 16211» (ЛИАНА НУЖНА ОМЕЛА ГДЕ КОГДА ЛЮБЛЮ ТВОЯ ХРИЗАНТЕМА), и открыла страницу с объявлениями.

Протянув газету сухой строгой даме, я показала пальцем на шифр и спросила — нет, взмолилась:

— Вы можете сказать, кто его поместил?

— Разумеется, не могу, — холодно ответила она.

Не может или не хочет? Судя по её виду, она королева-девственница этого

маленького мирка и наверняка знает всё обо всём.

Я предприняла ещё одну попытку:

— Прошу, скажите хотя бы, какого пола этот человек?

Если женского — это точно мама.

У меня защемило сердце. Ведь я до сих пор не знаю, что написать в ответ.

— Ничего не могу сказать, — отрезала старая дева.

Я попыталась её подкупить — она рассердилась. Через несколько минут уговоров она пригрозила вызвать констебля, и я нехотя покинула контору.

Что ж, я сделала всё, что могла.

Однако некий невидимый повар как будто смешивал причудливый пудинг чувств у меня в груди, и я не могла понять, расстроила меня эта неудача или, напротив, принесла облегчение. Так или иначе, теперь можно было на время отбросить мысли о маме.

Меня ждали куда более важные дела.

А точнее — смертельно опасный Тис.

* * *

Несколько часов спустя я ступила в скромную обитель растерянной миссис Таппер, и она быстро заморгала, увидев меня на пороге.

— Мисс Месхол, — неуверенно произнесла она, — вы поужинаете?

— Нет, спасибо, миссис Таппер. — Я очень спешила переодеться в неприметную чёрную одежду. — Нет времени. — Настроение у меня окончательно испортилось, потому что есть мне на самом деле хотелось — я пропустила обед, и в животе у меня было пусто, как в барабане.

— А?! — Милая старушка приложила к уху свой верный рупор.

— Нет! Спасибо! Миссис! Таппер!

Это был тот редкий случай, когда я обрадовалась возможности покричать во всё горло. Ноги у меня ныли после длительной прогулки по Флит-стрит и посещения восьми — нет, десяти, я потеряла

им счёт, — муниципалитетов, в которых не знали никаких Кипперсолтов, кроме одного — Огастаса Кипперсолта, отправленного в психиатрическую лечебницу «Колни Хатч»¹; понятно, что он мне не подходит. Коротко говоря, день выдался тяжёлый.

Оставалось только вернуться к магазинчику Пертелотты к тому времени, как она опустит жалюзи, и проследить за этой габаритной сердитой наседкой.

Прихрамывая, я поднялась к себе в комнату и с нескрываемым наслаждением стянула с измученных ног модные сапожки. За ними последовали парик и платье из персиковой тафты с белыми бантиками из шёлковой ленты: вместо него я надела тёмную невзрачную шерстяную блузу и такую же юбку. На натёртые ступни я натянула плотные носки,

¹ Реально существовавшая психиатрическая лечебница, находившаяся неподалёку от деревушки Колни Хатч, откуда и получила своё название. Была печально известна жестоким обращением с больными.

а затем восхитительно удобные чёрные сапожки. Смыть макияж у меня не было времени, и вместо этого я натёрла лицо золой из камина. Преобразившись в обычную уличную простушку, я спрятала в корсет самый длинный кинжал и, набросив на голову выцветшую чёрную шаль, спустилась по лестнице. Миссис Таппер взглянула на меня в замешательстве, но я даже не обернулась и молнией вылетела за дверь.

Глава двенадцатая

— КЕБ! — властно крикнула я при первой же возможности.

Кучер, сам далеко не благородных кровей, с неприязнью посмотрел на подзывающую его дурнушку из трущоб:

— Эт' ты мне?

Я бросила ему золотую монету, и он сразу умолк.

— Перекрёсток Стрэнда и Сент-Мэри, — сказала я, забираясь на сиденье. Ему не полагалось знать, куда мне на самом деле надо, а этот перекрёсток находился достаточно близко к Холивелл-стрит. — Если доедем за десять минут, получите ещё совершен.

— Да, мэм! — В определённых случаях крупная монета давала больше преимущества, чем неземная красота. — Вы, канеш, обратились по адресу. Мы с моей старушкой Вожатой домчим вас быстрее трамвая.

Когда его кобыла — дряхлая, несчастная и с шеей, как у овцы, — понеслась рысью, я откинулась на сиденье, стараясь не обращать внимания на ужасную тряску и думать не о том, что прочла о бессердечных кебменах в «Чёрном красавчике», а о том, что ждёт меня на Холливелл-стрит.

Мне претила мысль сломя голову нестись в неизвестность, но наш сегодняшний разговор с Пертелоттой, точнее с миссис Кипперсолт, и её бурная реакция дарили мне прекрасную возможность, которой могло уже не возникнуть.

Она наверняка выплеснет злобу на своего мужа — «Што ты опять натворил?!», и если я проследую за ней тенью,

мне, может быть, удастся подслушать их разговор и узнать ответ — хотя пока я и не знаю как.

Кроме того, важно было увидеть мистера Кипперсолта своими глазами. Я долго пыталась представить себе его внешность и хотела подтвердить или опровергнуть свои предположения.

Допустим, его лицо было изуродовано на войне или вследствие несчастного случая, и в том числе он потерял большую часть носа.

Допустим, стремясь скрыть свой недостаток, он в совершенстве овладел искусством грима и использованием резиновых протезов и открыл специальный магазинчик, чтобы всегда иметь доступ к нужным средствам.

Мог ли этот безобразный человек жениться на совершенно непривлекательной девушке, возможно, амбициозной уроженке Ист-Энда, у которой не было выбора, чтобы обеспечить себе домашний комфорт?

Если она вышла за него ради перспективного будущего, а не по любви, эта необычная девушка вполне могла усердно трудиться, чтобы затем получить магазинчик во владение.

Не рассержен ли «Шантеклер», что его сместили? И настолько, что...

Что? Решил отыгаться на докторе Ватсоне?

Какую обиду он мог затаить на доброго врача?

Подождите-ка. Возможно, несчастный винил доктора Ватсона в потёре носа? Предположим, инцидент произошёл во время Второй англо-афганской войны, где Ватсон служил армейским хирургом? И именно Ватсон ампутировал его пострадавший нос?

«Превосходно», — мысленно похвалила себя я, довольная разумными и закономерными выводами.

Мой кеб, нёсшийся по улице, опасно раскачиваясь, резко затормозил на углу Стрэнда.

Я выскочила на улицу ещё до того, как он полностью остановился, и бросила кучеру соверен, хоть у меня не было часов и я не могла проверить, вовремя ли он доставил меня на место.

* * *

Вовремя.

Тяжело дыша, я остановилась у Холивелл-стрит и заглянула за угол. Миссис Кипперсолт как раз опускала жалюзи. Вернувшись в магазинчик, она заперла окна, чтобы никто не прокрался туда ночью.

Последние лучи солнца — чудо, что оно решило в кои-то веки осветить Лондон, — грели остроконечные крыши старых зданий. Я замерла в ожидании, не сводя глаз с двери, готовая к тому, что в любой момент миссис Кипперсолт выйдет на улицу в пальто, шляпе, перчатках и с зонтиком, закроет дверь на ключ и отправится домой.

На город опустились сумерки, а я всё ждала.

Миссис Кипперсолт не выходила.

Куда же она пропала? Неужели... Нет, не может быть!.. Вышла через чёрный вход?

Маловероятно: ведь покосившиеся здания — «гнезда» нищих обитателей Холливелл-стрит — стоят «плечом к плечу», плотными рядами, а верхние этажи соприкасаются друг с другом, и проходы между домами, или, правильнее сказать, тоннели — узкие, как канава у дороги, — не освещены фонарями и грязные, как та сточная канава, и в них шныряют крысы и люди, которых уже сложно назвать людьми. Вряд ли миссис Кипперсолт по доброй воле отправилась бы в эту «наземную канализацию» — разве что ей не терпелось познакомиться с Джеком-потрошителем.

Она никак не могла проскользнуть мимо меня незамеченной.

Однако с течением времени я всё отчётливее понимала, что так оно и вышло.

Какая же я глупая! И ещё величаю себя научной искательницей. Нет, я обычная девчонка, которой впору вырезать кукол из бумаги, а не расследовать преступления. Сумерки сменились ночной тьмой, и душа у меня ушла в пятки. Из комнат на верхних этажах лился тёплый свет ламп, но он меня не утешал и только сгущал окружающую тьму, поскольку здания нависали над тротуаром и возвышались надо мной, будто морские утёсы с выпяченными фронтонами, эркерные окна врезались друг в друга и выглядели так, словно их поставили вверх ногами, — сужались книзу и грозили в любой момент рухнуть на ничего не подозревающего прохожего.

Казалось, на мой маленький мирок уже рухнуло такое окно. Я уверенно бросалась на поиски пропавших людей — но много ли это приносило пользы? И сейчас я стояла здесь, в темноте, совершенно одна, брошенная родной матерью, несчастная, как бродячий котёнок...

Над магазинчиком Пертелотты вспыхнул свет, озарив мои мрачные мысли, и я тут же перестала жаловаться на судьбу. Забыв и о своих невзгодах, и о намерении никому не попадаться на глаза, я помчалась через улицу, безлюдную, с погасшими окнами магазинчиков, и подбежала к лавке Пертелотты.

Если она поднялась на второй этаж, в комнату, под которой располагалась вывеска в форме петуха, вполне возможно — как же я об этом не подумала?! — что миссис Кипперсолт живёт над своим магазинчиком!

Надо подобраться ближе.

И как можно скорее. Они уже ругались — я слышала низкий грудной голос Пертелотты, доносившийся из комнаты наверху, и чей-то другой, едва различимый. В приоткрытое окно вылетали обрывки их разговора на повышенных тонах, но слов я разобрать не могла.

Как же поступить?

Хотя одна идея у меня была.

Три широких шага — и я приблизилась к узкому «тоннелю» между «Пертелоттой» и соседним магазинчиком. Задрав юбку выше колен и прижавшись спиной к одной стене, я упёрлась ногами в противоположную и начала карабкаться наверх. Не могу описать в подробностях, как, — скажу только, что трубочисты, вероятно, так же поднимаются по трубе.

На высоте шести футов я перестала волноваться, что меня заметит случайный прохожий — в конце концов, кому придёт в голову высматривать девчонку на такой высоте между домами?

Я добралась до окна комнаты, освещённой газовой лампой, и отчётливо услышала слова Пертелотты:

— Думаешь, я дура?! Стоит мне отвернуться — и ты тут же влипаешь в неприятности. Што теперь тебе в голову ударило?

— Мы эт' уже обсуждали. Я занимаюсь своими делами.

Минутку. Второй голос, хриплый и низкий, было почти не отличить от первого. Пертелотта разговаривала с женщиной. Кто она такая?

И где Шантеклер?

— Сидела бы ты дома да помалкивала — ни на чью голову беду бы не приносила!

— Ничего я не делала! Ну, бумажки кой-какие заполнила, чтоб его упрятать туда, куда он меня засунуть хотел. Так ему и надо!

Пертелотта ахнула и в ужасе воскликнула:

— Да ты сумасшедшая! Прав был мой муженёк, што тебя туда отправил!

— Но ведь это ты уговорила его меня оттуда вытащить, а?

— Заткни свой рот, ведьма! Ты...

— Ты попросила забрать меня, потому што можешь сама обо мне позаботиться. Ты ж всегда будешь обо мне заботиться, а, сестрёнка?

От её интонации — злобной и безжалостной — волосы у меня на шее встали дыбом.

Я добралась до верха моей «печной трубы» — туда, где соединялись верхние этажи зданий, а нужное мне окно располагалось чуть дальше. Я всё слышала, но ничего не видела.

А мне важно было увидеть эту загадочную женщину, которая всё упрямо повторяла:

— Ты будешь обо мне заботиться, да? Отвечай. Я знаю, что ты всегда будешь обо мне заботиться.

Меня и светящееся окно разделял карниз, нависающий над мостовой.

Над твёрдой булыжной мостовой. Падать далеко — и, скорее всего, больно.

Однако...

Я сделала глубокий вдох. А потом наклонилась над тёмной пропастью, вцепилась в округлый деревянный край карниза обеими руками, оттолкнулась от стены своей уютной «печной трубы»

и качнулась вперёд в надежде запрыгнуть на крышу.

Мне удалось закинуть на неё колено — и в то же время соскользнула левая рука.

А колено, как выяснилось, в данном случае руку заменяло плохо. Оно быстро соскользнуло вслед за ней. Чтобы не закричать, мне пришлось собрать в кулак всю свою волю.

— Ты будешь обо мне заботиться, правда, сестричка? — настаивал низкий грудной голос. — Скажи, что ты всегда будешь обо мне заботиться.

Обо мне бы кто позаботился! Я снова схватилась левой рукой за карниз, с непривычной силой, родившейся во мне в момент отчаяния, подтянулась наверх, забралась на крышу и откатилась от края. Дыхание у меня сбилось. Я поняла, что лежу на каком-то наклонном выступе.

— Ты всегда будешь обо мне заботиться, — лихорадочно повторяла сестра Пертелотты, как будто нараспев. Тем временем я пыталась выровнять дыха-

ние, вне себя от страха, и её голос вселял в меня ещё больший ужас. От каждого слова по коже пробегали мурашки. Меня пугал не только тон, но и смысл: «позаботься обо мне, позаботься обо мне» — именно об этом я мечтала в глубине души, этого хотела от своей семьи...

— Ты будешь обо мне заботиться, да, сестричка? Скажи! Ты всегда будешь обо мне заботиться?

— Ну конечно буду! — наконец рявкнула Пертелотта. — Разве раньше я о тебе не заботилась?

Её собеседница как будто ждала этого ответа и победно произнесла:

— Ну, не в тот раз, когда ты дала этим чёртовым крысам сожрать моё лицо!

Глава тринадцатая

Крысам. Сожрать. Лицо.

Скажи она это несколькими секундами раньше — до того, как мне удалось взобраться на выступ, — я бы сорвалась с крыши и разбилась бы насмерть. Сейчас же я распласталась по поверхности, словно белка, у которой над головой пролетает сокол, и вцепилась пальцами в черепицу, чтобы не скатиться вниз по склону, в то время как мои мысли уже летели по наклонной.

— Эт' было лет сорок назад, — устало ответила Пертелотта.

— Сорок два, — уточнила её собеседница, и я внезапно со стыдом узнала

себя в ненависти, скользившей в холодном голосе.

Меня захлестнула волна отвращения к себе.

Я тоже держала смертельную обиду.

На мать. На маму.

За то, что она сбежала из дома, я давно её простила — мама всегда любила свободу. И она оставила мне целое состояние. И связывалась со мной через объявления в газетах. Но два месяца назад, в самые холодные январские дни, я пребывала в отчаянии и попросила маму приехать ко мне в Лондон. Она не ответила на мой призыв, и за это я пока не могла её простить.

— Мне было всего пять, — ответила Пертелотта. — Я уснула.

— А я была совсем малюткой, беспомощной, и лежала в люльке, а ты дала крысам залезть на меня и подхрызть мой нос...

— Хватит, Флора!

Голос Флоры не дрогнул:

— ...и хубы, и пухлые щёчки...

— Хватит!

— ...а должна была за мной прихлядывать...

Да, она жила со своей сестрой и надеялась, что о ней позаботятся. Как же приятно, должно быть, когда у тебя есть сестра! У меня вот её никогда не было. Я...

Я что, в самом деле собиралась заявить, что всегда мечтала о сестре?!

Какая чушь, Энола! До этой минуты к тебе такая мысль даже в голову не приходила!

А что до семейной заботы — то мои старшие братья искренне стремились обо мне позаботиться: отправить в пансион, обучить поведению в обществе и подготовить к замужеству. И мать обо мне позаботилась — подарила свободу и возможность делать с моей жизнью всё что вздумается.

Хватит себя жалеть, Энола Холмс! Ты и одна прекрасно справишься.

Этот внутренний голос, ласковый, но твёрдый, принадлежал мне — но всё же я вдруг почувствовала, будто мама рядом, со мной. И в этот момент я нашла в себе силы простить маму за её слабости.

На сердце стало удивительно легко.

А Флора всё ныла:

— Ты ж моя старшая сестрёнка и должна обо мне заботиться! Хошь сказать, я недостаточно хромко кричала, шток тебя разбудить?

Теперь её нытьё всего лишь раздражало меня, но не пугало.

Пертелотта, скорее всего, тысячу раз слышала эти слова, но они всё равно её задели.

— Боха ради, Флора, прекрати! — надрывно воскликнула она. — Почему ты такая жестокая?!

— Эт' у меня носа нет, сестричка, не у тебя.

Носа.

Боже мой!

Я подняла голову. Я уже не дрожала и не впивалась пальцами в черепицу. Мне хотелось взглянуть на Флору. Теперь блестящая теория про солдата, которому доктор Ватсон ампутировал нос, не выдерживала никакой критики, хоть зловещие букеты и отправил мужчина...

Так ли это? Может ли Флора сойти за мужчину?

Я встала на четвереньки и, проклиная неудобную юбку, тихонько поползла по выступу к окну.

— После того как ма умерла, я всё для тебя делала.

В это легко поверить. Мне с самого начала показалось, что в Пертелотте есть нечто материнское. Судя по всему, она ещё в раннем детстве взяла на себя обязанности матери.

Я вытянула шею, пытаюсь заглянуть в окно. Сначала мне ничего не было видно, кроме кружевных занавесок, но я подалась вперёд и сумела разглядеть

смутные очертания убогой неприглядной комнаты — гостиной. Правда, сёстры не сидели в креслах — очевидно, они вскочили на ноги, разгорячённые спором. Пертелотта стояла ко мне спиной, уперев руки в пышные бока и отчасти закрывая собой Флору. Всё, что я выяснила, — это что Флора крепко сбита, как и её сестра, и одета в простые блузку и юбку, опять же как сестра. Я могла только предполагать, что лицо у неё такое же круглое и некрасивое.

Теперь гневный монолог произносила Пертелотта.

— Всю жизнь пытаюсь вину загладить, — кричала она, — всю жизнь! Даже муженька вот уховорила делом этим заниматься, чтоб тебя в порядок привести...

— Да ты просто хотела меня замуж выдать и с рук сбыть!

— Я хотела сделать тебя счастливой, достойной женщиной — а ты што? Стала наряжаться в штаны, бороду приклеивать...

Надо же! О, она просто обязана быть отправителем зловещих букетов! Я прижалась к стеклу, надеясь увидеть её лицо.

— ...и бродить чёрт знает где! — гремела Пертелотта.

— Надо ж было ихрать роль твоего муженька, сестрица!

— Нет, не надо! Эт' ты не дашь никак ему покоиться с миром, ты злая, извращённая...

— Ты ужасная, не я, — отрезала Флора. Несчастливая, ей не хватало стержня. — По крайней мере, мужчинам позволено...

— ...идти против природы?! Сколько раз я просила тебя сидеть дома, пока я работаю?! А ты снова за своё! Я уж думаю собственноручно упрятать тебя в «Колни Хатч»!

Флора издала гневный рёв и бросилась на сестру. Я увидела её лицо — и сразу же об этом пожалела: она сорвала свой нос и принялась размахивать им перед Пертелоттой, словно оружием.

— Ну попробуй — посмотрим, што у тебя получится! Давай попробуй!

Другой рукой она сорвала грим с губ и щёк. Её лицо, если его можно было так назвать, походило на уродливую массу слизи.

— Ты об 'том пожалеешь! Ты — и врач, который подпишет дрянную бумагу!

Я с трудом понимала, о чём говорит Флора: всё моё внимание притягивали её кошмарные черты — бутристая плоть с дырками вместо рта и носа. А глаза, хоть и здоровые, казалось, забыли, что значит плакать, и в них горела жажда убийства. Эти сухие глаза поразили меня не меньше изуродованного лица; я оцепенела — и в это время её взгляд упал на окно.

Я почувствовала себя глупой рыбёшкой, которая, привлечённая светом фонаря, поднялась на поверхность тёмного озера.

Флора завопила, как хотелось завопить мне при виде её лица, и показала на меня пальцем.

* * *

Я успела пригнуться раньше, чем Пертелотта обернулась.

Одна из сестёр — не скажу точно какая — выкрикнула ужасно неприличное ругательство.

Я бросилась прочь, но на узком выступе было особо не развернуться, и я не могла вернуться тем же путём, которым пришла. Ринувшись навстречу неизвестности, я обогнула здание и поползла по карнизу, словно огромная гусеница, раскачиваясь из стороны в сторону. В один момент я чуть не свалилась из-за проклятой юбки: нет, всё-таки девушек заставляют носить длинные юбки исключительно ради того, чтобы они не могли сделать ничего путного.

Окно распахнулось, и, кажется, Пертелотта рывкнула громким голосом, достойным стаи гончих:

— Полиция! Помогите! Храбитель! Полиция!

С улицы раздался свисток констебля, призывающий на помощь его напарников. Со всех сторон ему ответили такими же свистками. В доме загремели шаги: сёстры спускались вниз по лестнице.

Они подозревают, что я тоже спущусь.

А значит, я должна поступить иначе. Подняться.

Сказать не значит сделать. Юбка облепила мне ноги, а без фонаря в крошечной тьме я не могла ничего разглядеть. Однако на следующем углу мне повезло наткнуться на водосточную трубу; я схватилась за неё обеими руками и принялась карабкаться по ней, как матрос по мачте. Соседи Пертелотты вывалили на улицу, подросли констебли, и ужасный шум — крики, вопли, свист, цокот копыт, топот — вселил в меня такой ужас, что я нашла в себе силы, о которых раньше и не подозревала. Я быстро добралась до самого верха трубы — и уткнулась

в очередной выступ, нависший над магазинчиком. словно в тумане я подтянулась и перемахнула через него, как испуганная мастифом кошка.

Передо мной оказалась очередная стена. Неужели мне никогда не найти прибежища на крышах?! В отчаянии я стукнула по ней кулаками — но только испачкала руки в штукатурке. По узкому карнизу я поспешила в темноту, подальше от улицы. Я больше не ползла по черепице, дрожа и покачиваясь, — нет, я неслась вперёд, стараясь не поддаваться страху и не глядя, куда ступаю. Видимо, безумие заразно.

Я с силой врезалась во что-то твёрдое и деревянное.

Признаюсь, в эту минуту я грязно выругалась, поскольку сильно ударилась носом. Мне сразу захотелось его потереть, чтобы унять боль, но я сдержалась и упёрлась ладонями в возникшую передо мной преграду.

Возможно, это часть эркерного окна?

Наше дело не гадать, что к чему, наше дело — умирать за страну; в долину смерти рвёмся...¹ Точнее — на крыши отчаяния, и в бой идёт не целая бригада, а одна глупая девочка, которой следовало бы радоваться тому, что у неё вообще есть нос — не важно, большой или маленький! Только вперёд, бойцы, только вверх!

Я забралась на узкую верхушку неизвестного строения, глубоко вдохнула, исполненная благодарности за то, что меня больше не окружает крошечная тьма.

Над мной простиралось небо, усыпанное звёздами, словно веснушками.

На его фоне виднелись силуэты остроконечных крыш и дымоходов.

Наконец-то!

¹ Отсылка к стихотворению Альфреда Теннисона «Атака лёгкой бригады» (The Charge of the Light Brigade). У него эти строки написаны от третьего лица: «Их дело не гадать, что к чему, а их дело умирать за страну; в долину смерти рвутся шесть сотен храбрецов».

Я перебралась через последнюю преграду и очутилась на самом верху.

Тяжело дыша, я упала на жёсткую черепицу покатой крыши.

Теперь я в безопасности.

Здесь меня никому не найти. Здесь я пережду ночь.

Мои блаженные размышления прервал крик, очевидно, сержанта полиции:

— Подкатите вон туда! Да, туда! Как работает эта проклятая штуковина?

Через мгновение, разгоняя ночные тени, пелену тьмы прорезал ослепительный луч света. Разумеется, я читала в газетах о новом электрическом прожекторе Скотленд-Ярда, но читать — это одно, а увидеть — совсем другое. Казалось, будто рядом со мной ударила молния. Признаюсь, я закричала. К счастью, кричала не я одна — толпа внизу тоже пришла в ужас, — и меня, скорее всего, не услышали.

— Поверните его к крыше!

— Да он чокнулся, — сказал кто-то. —
Никому туда не забраться, а уж девке-то
и подавно!

Я не стала прислушиваться к разгово-
рам. Подниматься и бежать по крутому
склону крыши было опасно. Поэтому,
дрожая всем телом, ощущая предатель-
скую слабость в ногах, я поползла по че-
репице, что было очень разумно с моей
стороны, поскольку иначе меня бы не-
пременно заметили.

Несмотря на худобу, змея из меня по-
лучилась неважная. И всё же я добра-
лась до острого выступа в центре крыши
и перемахнула на другую сторону.

Грозный световой меч полоснул мрак
там, где я пряталась мгновение назад.
Я наблюдала за ним, замерев в тени.

Нет, расслабляться нельзя. Скоро они
осветят и эту сторону.

Внезапно меня поразила мысль — та-
кая же светлая, как луч прожектора: надо
перебраться на другое здание, а потом
на следующее — и сбежать от преследо-

вания по крышам. Я вскочила на ноги и понеслась по крутому склону крыши вниз, прочь от жуткого света, настолько яркого, что он освещал мне дорогу даже здесь. Есть! Крыша магазинчика Пертелотты плавно переходила в крышу соседнего здания, далеко не такую покатую. Я радостно перепрыгнула на неё, и...

...рухнула вниз, как будто шагнула с выступа в пропасть.

Глава четырнадцатая

В ушах стоял звон разбитого стекла. Я невольно открыла рот, чтобы закричать, но не успела. С громким шумом я упала на нечто незримое, значительно смягчившее моё приземление.

Я поднялась на колени и осмотрелась, вглядываясь в темноту.

Подо мной было нечто податливое, мягкое, воздушное, будто подушечка для турнюра. Всё вокруг окутывал мрак, и тишину нарушал приглушённый плеск воды.

Я почувствовала солёный вкус во рту и промакнула саднящие губы рукавом. Кровь. Очевидно, осколок

стекла попал мне в лицо. На руках тоже остались порезы, но, скорее всего, не-серьёзные.

На самом деле мне сказочно повезло. Хотя ранки болезненно ныли, поранилась я несильно. Луч прожектора меня здесь не найдёт. Укорив себя за глупость, я подумала, что, скорее всего, пробила крышу теплицы мистера Кипперсолта, расположенную, само собой, на самом верху здания.

Мистера Кипперсолта? Покойного, судя по словам Флоры. А если зловещие букеты отправляла она, разумно будет заключить, что это её теплица.

Размышляя об этом, я лежала, стараясь не шевелиться и прислушиваясь к шагам за стеной — не бежит ли кто на шум? Однако я слышала лишь биение собственного сердца и своё прерывистое дыхание, и эти звуки удивительным образом меня успокаивали — казалось, будто ничего страшного и не произошло. Наконец я решила, что мои преследова-

тели остались на улице и звон разбитого стекла до них не донёлся.

Что ж. Раз я в теплице, значит, мне повезло приземлиться на большое нежное растение, а вовсе не на огромную подушечку для турнюра. Правда, что-то, похожее на паутину, на его длинных листьях щекотало кожу — прямо как конский волос, которым набивают эти подушечки.

Оставаясь начеку, я вытянула руки и ощупала всё вокруг. Рядом со мной не было ничего, кроме пышных растений. Коленями я упиралась в мягкую землю, а листья вокруг меня слегка колыхались, задевая лицо.

Как ни странно, поняв, что оказалась в относительной безопасности, я задрожала всем телом и ощутила сильную слабость. Я плюхнулась на землю среди стеблей, и меня накрыли лёгкие, как пёрышки, ветви. Зелени не было видно конца и края, как будто я попала в джунгли. Поразительно! Что же это за растения?

Впрочем, сейчас это не важно. Мне невыносимо хотелось отдохнуть хоть несколько минут. Совсем немного, пока не уймётся дрожь в теле. Потом я сбегу. Я перевернулась на спину, сложила руки на груди — точнее, на рукояти кинжала, — и закрыла глаза.

* * *

— Што за чертовщина?! — воскликнул кто-то. Во всяком случае, мне так показалось. Наверное, именно это я и услышала. Стыдно признать, но я уснула — в обморок я никогда не падала, хотя это было бы не так позорно. Открыв глаза, я увидела слабый свет восходящего солнца, просачивающийся между хрупких ветвей изумрудно-серого цвета. Теперь стало ясно, что за растения меня окружали — это были кусты спаржи.

— Мои детки! — визжала, очевидно, Флора. — Мой боярышник, мои жёлтые

жасмины, мои колокольчики! Всё в стекле, и холодный ветер дует!

Честно говоря, её крики застали меня врасплох, но мне хватило ума замереть и затаить дыхание. Я только стиснула рукоять кинжала.

На лестнице раздались шаги.

— Злодейка! — не унималась Флора. — Она вломилась сюда! В мою теплицу! Штоб ей пусто было!

— Флора, успокойся, — слышался усталый голос Пертелотты. — Она уже далеко.

Если бы!

— Што она за дьявол эдакий?! — возмутилась Флора. Удивительно, сколько она ругается! — Чево ей от нас надо-то?

— Не знаю. — Пертелотту, похоже, не смущали грубые выражения сестры. — К сожалению, — мрачно добавила она.

— Я её укою! Найду и убью — прям как убила...

— Флора! — грозно рявкнула Пертелотта, и Флора тут же затихла. — Не

смей больше никого убивать. Никогда. Поняла меня?

Флора что-то пробормотала себе под нос.

— Што-што? Што ты сделала с доктором Ватсоном?

— Ничевошеньки. С чево ты взяла, што я его трохла? — Флора заныла, прямо как ребёнок, после угроз прибегающий к слезам. — Чево ты на меня-то орёшь после тово, што случилось с моей теплицей?

— О, брось, эт' лехко поправить. Позовём стекольщика. — Пертелотта говорила с нескрываемым отвращением. Чувствовалось, что сестра совершенно её измотала. — Уж надеюсь, ты не замешана в том, што случилось с доктором Ватсоном, што бы это ни было. Ну, завтрак стынет. — И, судя по удаляющимся шагам, она вышла из теплицы.

— Вот дьяволица — думает, што может просто так взять и уйти, — проворчала Флора и всхлипнула — наверное,

она оплакивала своих «деток». — Завтрак, как же! Нет, вы ещё у меня попляшете.

Я услышала грузный топот, а через несколько секунд хлопнула дверь.

Сёстры ушли, оставив меня в ловушке среди кустов спаржи. По телу пробежала дрожь.

Энола, так дело не пойдёт.

Но... беспечное, беглое упоминание об убийстве... и намёк на исчезновение доктора Ватсона...

Подумаешь об этом потом. Сейчас надо решить, как отсюда выбраться.

Дрожь только усилилась.

Чтобы её унять, я, как обычно, закрыла глаза и представила себе мамино лицо. Разумеется, она говорила то же, что и всегда: «Ты и одна прекрасно справишься, Энола». К счастью, мысли о маме больше не расстраивали меня, а грели мне душу. Я успокоилась и снова смогла размышлять здраво.

В конце концов, сбежать должно быть не так сложно. Я встала, сняла сапожки и, оставшись в одних чулках, чтобы ходить неслышно, выбралась из зарослей спаржи. Как выяснилось, она росла в громадном контейнере из оцинкованной стали восьми футов длиной, который стоял на козлах, приподнимавших его над полом. Это я увидела только после того, как вылезла оттуда и тихонько отошла в сторону. В крыше зияла дыра — моих рук дело, и осколки покрывали спаржу, боярышник, белый мак... Однако у меня не было времени разглядывать растения в теплице. К тому же я едва держалась на ногах. И неудивительно. Всё-таки не ела целые сутки. А в карманах, где у меня обычно хранились сладкие конфеты, ничего не нашлось: я так спешила сюда вчера ночью, что забыла их положить.

Проклятие! Надо скорее бежать, пока я не упала в обморок от голода.

Взяв сапожки в руку, я направилась к двери, стараясь ступать как можно тише. Там я остановилась и прислушалась.

Как я и надеялась, из-за двери раздавалась ругань сестёр. Пока они препираются, я буду знать, где они сейчас. А слуги наверняка их подслушивают.

Впрочем, если подумать, вряд ли здесь есть слуги. Если Флора всегда так себя вела, разве стала бы Пертелотта «нанимать помощь»? Вряд ли ей хочется, чтобы кто-нибудь узнал о её безумной сестре.

Я осторожно приоткрыла дверь теплицы и выскользнула на лестницу.

В какой-то из комнат в передней части дома Флора твердила:

— Ты ж всегда будешь обо мне заботиться, а, сестрёнка? Скажи. Ты всегда обо мне заботишься.

Кроме того случая, когда крысы сожрали её лицо.

У меня прошёл мороз по коже. Дрожа от страха и холода, я спустилась по лестнице и вышла в заднюю дверь через пустую кухню. Оказавшись на улице, я помчалась прочь, не обращая внимания на камни, царапающие ступни, и не думая о том, что сбегая в самый опасный, бандитский район Лондона.

Глава пятнадцатая

КАК НИ СТРАННО, НА ЭТИХ ГЯЗНЫХ, оживлённых улицах мой потрёпанный внешний вид защитил меня. В канавах ворчали перебравшие вчера пьяницы. Девочка в грязном переднике и рваных обносках сидела на крыльце, прижав колени к груди, а её ступни были синими от холода. Мальчишки в старых рубашках и огромных, не по размеру штанах, закатанных до худых колен, словно спасательные круги, досаждали упитанной даме, выпрашивая у неё монетку. Хозяйки выносили помои, рабочие во фланелевых костюмах шли по делам, продавец с тележкой кричал:

— Хорячие пирожки! Колбасы, пудинх на сале! Хорячий пудинх на завтрак!

Никто не обратил на меня внимания, когда я села на край тротуара надеть сапожки и когда, купив у уличного торговца омерзительную на вид колбаску, принялась жевать её на ходу. Если бы на кишашую ворами улицу завернула очаровательная мисс Энверуа, её бы в два счёта подставили, обокрали, содрали бы с неё роскошное платье и отпустили голой — если бы вообще отпустили.

А лохматая, измазанная в земле и покрытая ранками девушка, как будто пришедшая сюда после драки, никого не интересовала.

Однако на улице, где я жила — ближе всего было идти до дома напротив Ватсонов, — дела обстояли иначе. К счастью, хозяйка с цепким взглядом куда-то вышла, а её помощницу я подкупила звонкой монетой и обещала дать ещё,

если она скажет хозяйке, что мне нездоровится и есть я буду у себя в комнате. Ещё за шиллинг она пообещала втайне нагреть воды для ванны.

Поэтому ещё до полудня я поела, помылась, оделась в приличное домашнее платье с узором в цветочек и, заклеив порез на губе пластырем, теперь мерила шагами комнату, встревоженно хмурясь.

В голове звучал голос Пертелотты: «Флора! Не смей больше никохо убивать. Што ты сделала с доктором Ватсоном?»

Проклятие! Надо выяснить «што».

Чтобы помочь доктору Ватсону — если он ещё жив! — необходимо срочно как можно больше узнать о Флоре. Её фамилию. Правда ли, что она убийца. Отправляли ли её на самом деле в сумасшедший дом, кто подписал бумаги; если это был Ватсон, у неё есть мотив для преступления. Ещё важно понять, как именно проходит эта процедура. Насколько мне известно, для этого требуются подписи

члена семьи и двух врачей. Чтобы найти ответы на свои вопросы, я должна была посетить муниципалитет, полицейский участок, психиатрическую лечебницу, само заведение «Колни Хатч»...

Однако с порезом на лице, хоть и неглубоким, я не могла выйти в образе красавицы мисс Энверуа. Такая леди отказалась бы показываться на людях даже из-за жалкого прыщика и непременно дождалась бы, пока он пройдёт.

Однако я не захватила никакой другой одежды для маскировки — ни балахона, ни вуали. Да и всё равно от них было бы мало проку: судя по моему опыту, сведения из конторских служащих могла вытянуть только обворожительная мисс Энверуа.

Сколько бы я ни ходила взад-вперёд по комнате, мне некуда было деться от жестокой правды: пока не залечится ранка на губе или пока я не найду, как её удачно скрыть, мне придётся бездействовать.

Я даже не могу выйти из дома — меня никто не должен увидеть.

Кошмар! С доктором Ватсоном за это время может произойти что угодно!

Кто знает, что с ним уже произошло!

— Пропади всё пропадом! Нет, так не пойдёт!

Разве можно оставить Ватсона на сомнительную милость Флоры ещё хоть на день?! Если я брошу его в беде, то больше никогда не смогу посмотреть себе в глаза в зеркале. Однако выбора у меня нет — кроме разве что...

Разве что связаться с Шерлоком.

От одной этой мысли меня бросило сначала в жар, потом в холод. Встретиться с ним лично я никак не могла. А если отправить ему письмо, мой умный брат с лёгкостью определит, откуда оно пришло! Если верить тому, что я знаю о Шерлоке Холмсе, выдать меня могло что угодно: выбор пера, цвет чернил, особенности почерка, отпечаток пальца почтальона — любая мелкая деталь.

Риск слишком велик. Однако оправдан. Если я ничего не сделаю и Ватсон погибнет...

— Газета, мэм, — пролепетала служанка, тихонько постучав в дверь моей комнаты. Конечно, я же отправила её за свежей «Пэлл-мэлл газетт».

— Спасибо. Оставь, пожалуйста, на столике.

Когда она ушла, я взяла газету и, всё так же расхаживая по комнате, принялась изучать новости — не появилось ли новых зацепок по делу доктора Ватсона. Нет, разумеется, не появилось. Я отбросила ненужные страницы и пробежалась взглядом по колонке объявлений. Как и ожидалось, там снова появилось зашифрованное сообщение: «52321113 11 1314121311 2362615211 415161 42234 15111 5255215255 63312365 34433222111 363616211», то есть «ЛИАНА НУЖНА ОМЕЛА ГДЕ КОГДА ЛЮБЛЮ ТВОЯ ХРИЗАНТЕМА». Его печатали каждый день.

А я по-прежнему не знаю, как мне поступить.

Я хорошо знаю маму: она не из тех, кто разбрасывается словами любви. Она не могла это написать.

И всё же мне очень хотелось, чтобы это была она. Тем более сейчас, когда меня терзали мысли о несчастном докторе Ватсоне. Мама бы знала, как поступить. В этом я не сомневалась.

Если, что маловероятно, это послание всё же от неё — могу ли я упустить такую возможность? Могу ли отвернуться от протянутой руки родной матери? Второго шанса может и не представиться.

Вдруг она поняла, что я на неё обижена, и захотела со мной помириться?

Однако моя мать, мама, которая находилась сейчас неизвестно где, с цыганами, предпочла бы сама выбрать время и место, если бы ей пришлось отправиться в Лондон, разве нет?

Наверное, автор шифра боялся вызывать у меня подозрения, указав не то

место для встречи — как в прошлый раз с Британским музеем?

Пока мысли кружились в голове, как пёс, гоняющийся за собственным хвостом, взгляд бегал по странице с объявлениями, пока неожиданно не выхватил загадочное послание, напечатанное большими жирными буквами:

Э О Н Б О М Л А А Н

Ни к кому не обращённое и не подписанное.

Э О Н Б О М Л А А Н

И всё.

Я уставилась на него, сведя брови — как, наверное, и все читатели «Пэлл-мэлл газетт», заинтригованные любопытным объявлением, которое невозможно было не заметить. Причём выглядело оно не как шифр, а как обычный набор букв. Очевидно, автор хотел срочно что-то со-

общить — но что и кому? Наал... Эон...
И если разделить на две строки и читать
по диагонали, ничего путного не выхо-
дит. Только странное одинокое слово,
прямо как я — Энола, одна... Энола.

И тут я его увидела.

Своё имя.

ЭОНБОМЛААН

ЭНОЛА ОБМАН

Я рассмеялась: у меня словно ка-
мень с души упал. Нет, всё-таки это
был шифр, по-детски простой — такой
могла составить только моя мама. Надо
было всего-то читать через букву. Те-
перь я знала наверняка, что «ЛИАНА
НУЖНА ОМЕЛА» — западня, ско-
рее всего дело рук моего драгоценного
брата Шерлока. И что самое главное: пу-
скай мама и обделяет меня материнской
лаской — она всё же заботится обо мне.
По-своему.

* * *

Передо мной всё ещё стояла нелёгкая задача: помочь Шерлоку отыскать доктора Ватсона, но теперь она казалась мне более или менее выполнимой. Представив себе лицо матери, полное нежности, я успокоилась и опустила на стул. Твёрдо намереваясь разобраться в фактах, я взяла карандаш и бумагу.

Итак. О чём необходимо сообщить брату, а что можно опустить?

Начнём с того, что я знаю наверняка. Я склонилась над бумагой и принялась строчить следующее.

Я знаю, что:

Пертелотта невольно выпалила: «Что он опять натворил?!» Вполне возможно, что окончаний я толком не расслышала и на самом деле она сказала: «Что она опять натворила?!», имея в виду сестру. Или Пертелотта так привыкла к тому, что Флора притворяется мистером Кипперсолтом,

что невольно начала говорить о ней в мужском роде при посторонних.

Пертелотта говорила со мной о своём муже, мистере Кипперсолте, в настоящем времени; но Флора — в прошедшем, как об усопшем.

Пертелотта крикнула на Флору: «Сидела бы ты дома да помалкивала, ни на чью голову беду бы не приносила!» Что ответила Флора? Кажется, что упрятала кого-то туда, куда хотели отправить её, и что «Так ему и надо». О ком она говорила — о мистере Кипперсолте или о докторе Ватсоне?

Пертелотта её спросила: «Что ты сделала с доктором Ватсоном?»

Флора переодевается мужчиной; и я почти уверена, что именно она отправляла миссис Ватсон зловещие букеты.

Пертелотта сказала сестре: «Не смей больше никого убивать». Больше никого. Неужели Флора убила Ватсона?!

Печальный вывод.

Размышляя над фактами, я рисовала простенькие карандашные наброски, а закончив список, взялась за дело всерьёз. Разумеется, художник из меня никакой, но карикатуры и портреты с преувеличенными чертами лица у меня выходят отличные, и они помогают мне думать.

Я нарисовала Пертелотту. (Как её зовут на самом деле? Я знаю фамилию, но не имя. Успела ли она увидеть меня в окне? Узнала ли? Очередной снежный ком вопросов, на которые у меня нет ответа...)

Я нарисовала Флору в образе носатого господина с козлиной бородкой и невольно подумала, что мужчина из неё получается куда лучший, чем женщина, и Пертелотта слишком узколоба, если считает иначе. Интересно, как Флора додумалась использовать эту маскировку?

Тут я вспомнила ещё один факт и прилежно его записала:

Флора сказала: «Надо ж было играть роль твоего муженька, сестрица!»

Пертелотта ответила – пусть он покоится с миром.

После того как развалилась моя версия о мстительном солдате, которому доктор Ватсон ампутировал нос, я начала сомневаться во всех своих выводах, но всё же на основе сведений, которыми располагала, решила построить собственную гипотезу. Что произошло между Пертелоттой, Флорой и мистером Кипперсолтом, возможно покойным? Скорее всего, мистер Кипперсолт сначала пытался помочь сестре жены, но быстро понял, что она невыносима, и отправил её в «Колни Хатч». (Размышляя об этом, я рисовала Флору в образе здоровой женщины, с лицом, похожим на лицо Пертелотты.) Однако Пертелотта, как всегда преданная сестре после несчастного случая с голодными крысами, не позволила держать Флору

в сумасшедшем доме, хотя Флора, судя по всему, действительно сумасшедшая. Между мужем и сестрой она выбрала сестру и, послушавшись мистера Кипперсолта, вызволила Флору из лечебницы.

Флора, не теряя времени зря, убила мистера Кипперсолта.

Это происшествие не сломило Пертелотту. Она помогла сестре замести следы и сделала вид, будто её муж ещё жив. В то же время она стала пристальнее следить за Флорой, чтобы избежать новой беды. Однако Флора не собиралась останавливаться...

Ну конечно.

Мне вспомнился ещё один обрывок их разговора, и я поспешно его записала:

«Ты об этом пожалеешь! Ты — и врач, который подпишет дрянную бумагу!»

Флора держала зло на доктора Ватсона, который подписал бумаги об отправле-

нии её в сумасшедший дом. Наверняка так всё и было.

Но... Как она ему отомстила? Убила?

По спине пробежали мурашки, и сердце у меня ёкнуло. Мне не хотелось соглашаться с этой версией.

Я нарисовала портрет Флоры без грима. Признаюсь, это далось мне нелегко — изобразить её в таком виде. Бедняжка. Я представила двух малюток из Ист-Энда, живущих в бедности и одиночестве, пока их мать прислуживает более удачливой даме и натирает в её доме полы до блеска... А может, их мать давно умерла. Или побила и отвергла старшую дочь, когда пришла домой и увидела младенца, изуродованного крысами. Или разлюбила младшую дочь за уродство. Так или иначе, сложно не сойти с ума, если растёшь с такой травмой.

Я посмотрела на свой рисунок — и меня пробрала дрожь. Я даже не заметила, как в силу сочувствия или иного подсознательного порыва разрисовала

лицо Флоры цветами. Её рот я украсила вьюнком, нос заменила поникшей розой, глаза — цветками мака, а волосы — непослушными ветвями спаржи, похожими на паутину. Получился довольно безобразный букет.

Ну что ты будешь делать — я вернулась к тому, с чего начала!

Все растения, кроме розы — перевёрнутая бутоном вниз, она означала ненависть, — составляли первый букет, который я увидела в маленькой гостиной миссис Ватсон.

Я не понимала значения только одного из них: спаржи. Что же она символизирует?

И почему Флора выращивает у себя в теплице так много кустов спаржи?

Для букетов? Там их хватило бы на тысячу. Для еды? Ими можно было бы накормить всех жителей Холивелл-стрит — но не похоже, что она срезает побеги спаржи, острые, словно зелёные копья...

Копья.

Возможно, в этом и есть смысл? Копьё, колющее оружие — символ ненависти или смерти. И латинское название растения — *asparagus* — можно прочесть по-английски как *a spear of gus* — «копье Гаса».

Я ахнула и резко выпрямилась. Листы бумаги разлетелись во все стороны. Меня внезапно, словно лучом электрического прожектора, озарила блестящая мысль. Я всё поняла, все препятствия, прежде непреодолимые, показались мне незначительными; теперь я знала, как поступить.

Глава шестнадцатая

ВСЁ-ТАКИ МНЕ НЕ ПРИДЁТСЯ РИСКОВАТЬ свободой и отправлять Шерлоку письмо.

Дрожа от сладкого предвкушения, я схватила со стола чистый лист бумаги и принялась составлять послание иного рода.

Вот что у меня получилось:

**24124143513356 53431351123355 1312351
221334225115243133342 15113435 24531443
2442 2342243412141152425353121424431334
11 Э. Х.**

Я бесстрашно подписалась своими настоящими инициалами. Признаюсь,

я была похожа на Шерлока не только выдающимся носом — мы оба любили устраивать сцены.

И сюрпризы. По этой самой причине я скрыла от вас, любезный читатель, смысл моего послания, и хотя вы, без сомнения, способны его расшифровать, я попросила бы воздержаться от этого и позволить мне сохранить интригу ещё на несколько страниц.

Я вывела окончательную версию шифра чернилами, промокнула, сложила лист и запечатала сургучом. Нужно скорее доставить письмо в издательство «Пэлл-мэлл газетт», чтобы его успели напечатать в завтрашней утренней газете. Но такое важное задание нельзя поручить первому попавшемуся мальчишке с улицы. А ответственного посыльного в форме легко будет допросить, чтобы выйти на мой след. Я закатила глаза. Похоже, придётся всё сделать самой — как всегда. С помощью карандаша и «лёгких, незаметных средств» из магазинчика

Пертелотты я по мере возможности за-
красила пластырь на губе. При свете дня
я бы не решилась на такую хитрость,
а в сумерках его не будет заметно. С на-
ступлением ночи я оделась в тёмно-ко-
ричневое платье, набросила на плечи
шаль, водрузила на голову парик и са-
мую широкополую из моих шляп, за-
тенившую лицо. Прикрепив к ней для
верности вуаль, я отправилась на Флит-
стрит.

Всё прошло хорошо. Безразличный
ночной служащий едва на меня взгля-
нул, забрал деньги и письмо и пообещал,
что завтра объявление будет в газете.

Прекрасно. Однако теперь, даже если
я поступлю как благоразумная юная
леди и вернусь в съёмную комнату, за-
кажу ужин и лягу в постель, уснуть мне
всё равно не удастся. Я была всё ещё
взбудоражена, и меня распирало от вол-
нения перед грядущим днём и от тревоги
за доктора Ватсона. Если он и правда
там, где я думаю, то переживёт эту ночь

и ничего страшного не случится. Я снова и снова повторяла про себя все факты и приходила к одному и тому же выводу. Однако мне не хватало уверенности в своих умозаключениях. Вдруг я проглядела важную деталь? Вдруг я ошибаюсь? Вдруг я на самом деле глупая, бесполовая девчонка, которой следовало сразу побежать к великому Шерлоку Холмсу, человеку действия, и попросить помощи?

Я не могла вернуться в комнату и смирно ждать утра. Кинжал, спрятанный в корсете, придавал мне храбрости, а тёмная одежда позволяла слиться с полумраком, и я вернулась в «гнусный лабиринт домишек, прижавшихся друг к другу, словно замёрзшие бродяжки, место, куда не проникают ни свет, ни воздух, где процветают болезни и пороки... грязные и душные улицы, дворы и переулки, сливающиеся воедино и несущие на своих плечах тесные гнёзда голодающих бедняков», как «Иллюстрированная

газета за пенни» описала район за Холивелл-стрит. Именно там я видела девочку в переднике и рваных обносках, которая сидела на крыльце, прижав колени к груди, с синими от холода ступнями.

В этот час улицы кишели подвыпившими пьяницами, уличными торговцами, продающими кто дешёвых моллюсков, кто имбирное пиво или конфеты, и чуть ли не на каждом углу стояли размалёванные девушки, которые предлагали товар иного рода. Повсюду встречались попрошайки, среди них такие, кто предпочитает именоваться «трюкачами». Я остановилась посмотреть, как один оборванец, который выдрессировал крысу, чтобы она стояла на задних лапках у него на ладони, с помощью белого носового платка делает из неё сначала римского сенатора в тоге, затем англиканского священника в подризнике¹, адвоката в белом парике и — уже с двумя

¹ Длинный балахон до пят, который священник надевает на службу.

платочками — юную леди, которую собираются представлять ко двору. Вокруг трюкача собралась целая толпа, которая весело смеялась и галдела, но растворилась словно дым, как только бедняга снял свою шапку; одна я бросила туда пенни. Затем я отправилась на поиски детей, брошенных — на ночь или навсегда — собственными родителями, одурманенными джином.

Я слишком давно не помогала лондонской бедноте. Прошло даже не несколько дней, а несколько недель.

Вскоре я нашла мальчишек в грязном рванье, ютившихся под аркой и льнувших друг к другу, словно новорождённые щенки; еды у меня с собой не было, и я дала каждому по шиллингу — а через мгновение умчалась прочь, потому что они тут же радостно подпрыгнули и оповестили о моей щедрости всех маленьких бродяжек на этой улице: если бы я не успела вовремя спрятаться, на меня накинулись бы всей толпой и ото-

рвали карманы платья вместе со всем содержимым.

Так прошла чуть ли не вся ночь. Под конец я всё-таки нашла ту малышку, за которую переживала больше всего. Она сидела там же, где я видела её в прошлый раз, в одном переднике, и дрожала от холода. Я отвела её в лавку подержанной одежды, растолкала хозяйку и купила для девочки платье, обувь и чулки, а затем выдала ей немного денег на еду. Она не сказала мне «спасибо» — только посмотрела на меня с удивлением и подозрением и убежала. Впрочем, я и не ожидала благодарности. Наградой мне были блаженная усталость и умиротворение. Эта ночная вылазка помогла мне обрести определённый душевный покой. Я вернулась в свою съёмную комнату за несколько часов до рассвета, наконец готовая лечь в постель.

Однако выспаться мне не удалось. Наверное, я ненадолго задремала, но к тому времени, как за окном посвет-

лело, сна у меня не было ни в одном глазу, и я уже собиралась к выходу, оснащаясь деньгами, кинжалом, бинтами, печеньем, швейным набором, карандашом с бумагой, отмычками, нюхательной солью, платком на голову, запасными чулками, чистым носовым платком, перчатками, снова деньгами и — самое главное — конфетами. Мне хотелось действовать спокойно и уверенно, но я сходила с ума от волнения и даже не притронулась к завтраку, который принесла служанка.

Уже в парике и в шляпе, задолго до назначенного времени, я подлетела к окну и выглянула на улицу.

Как обычно, из дома Ватсонов вышла горничная с ведром мыльной воды, опустилась на колени и принялась чистить каменные ступеньки.

Я знала, что ждать мне придётся долго, и со вздохом присела на стул. Пальцы словно на пианино выстукивали на подоконнике воображаемую мелодию.

Точнее — воображаемую какофонию, поскольку меня никогда не учили играть на клавишных инструментах.

По улице прошла молочница — ничего необычного, ведя за собой ослицу — очень необычно: насколько же болен человек, если заказал свежее тёплое ослиное молоко?

Никогда я так внимательно не присматривалась к ослам, как в эту минуту.

Молочница с ослицей ушли, и я снова принялась стучать пальцами по подоконнику.

Горничная Ватсонов давно закончила мыть крыльцо и теперь взялась за оконные рамы.

Из-за угла выехала телега торговца льдом, запряжённая старой, умудрённой годами кобылой, которая без лишнего напоминания останавливалась у каждой двери и ждала, пока хозяин доставит товар. Я пристально их разглядывала, отмечая все детали, вплоть до масти лошади; сегодня меня не удов-

летворяли варианты вроде «серая» и «гнедая», и я пришла к выводу, что она «чалая»¹.

Затем и они исчезли из виду. Пальцы у меня устали стучать по подоконнику. Уже не взбудораженная, а охваченная мучительной тоской, я всё ждала...

И ждала.

И даже не сразу заметила прикатившее с севера ландо, поскольку думала, что приедет кеб. Я лениво взглянула на коляску с закрытым верхом, полагая, что сейчас из неё выйдет немощная старушка в компании своей сиделки, собравшаяся на утреннюю прогулку. Но увидев, кто там сидит...

Я подпрыгнула и вскричала от радости, тут же зажав рот ладонью, как будто брат в самом деле мог меня услышать.

К моему огромному удивлению, этим братом был не Шерлок.

¹ Окрас, при котором тело лошади светлее, чем нижняя часть ног и голова, — из-за того, что на теле много белых волос.

В цилиндре и с моноклем, в натянутом на полном животе шёлковом жилете, из кармана которого тянулась золотая цепочка часов, в салоне экипажа сидел не кто иной, как Майкрофт!

Брат, который и не думал меня искать, а лишь, восседая на своём троне, отдавал приказы. Брат, чей распорядок дня всегда крутился по одной орбите — от дома до кабинета в министерстве и комнаты в клубе «Диоген» и обратно. Брат, которого ничто не беспокоило и которого никто не смел беспокоить.

По крайней мере, таким я его себе представляла.

Крайне ошибочно. Всё-таки Майкрофт занимался моими поисками; мало того — ему удалось освоить наш с мамой цветочный шифр лучше, чем Шерлоку, и он догадался, как меня заманить: ведь это именно он поместил в «Пэлл-мэлл газетт» объявление «ЛИАНА НУЖНА ОМЕЛА ГДЕ КОГДА ЛЮБЛЮ ТВОЯ ХРИЗАНТЕМА», судя по тому, что на

моё послание «2412414351335653431351
123355 131235122133422511 5243133342 1
5113435 245314432442 23422434121411 52
42535312142443133411 Э. Х.» отозвался
он, а не Шерлок.

Теперь, любезный читатель, пришло
время раскрыть смысл этого послания,
если, конечно, вы ещё не расшифровали
его сами: разделите буквы алфавита не
на пять, а на шесть частей, по пять букв
в каждой, убрав «ё», «й» и «щ»:

АБВГД
ЕЖЗИК
ЛМНОП
РСТУФ
ХЦЧШЬ
ЫЬЭЮЯ

Первая цифра в шифре относится
к букве, вторая — к строчке. Вторая
буква, четвёртая строчка — С. Первая
буква, вторая строчка — Е. Четвёртая
буква, первая строчка — Г. Четвёртая

буква, третья строчка — О. Пятая буква, первая строчка — Д. Третья буква, третья строчка — Н. И наконец, пятая буква, шестая строчка — Я.

«СЕГОДНЯ».

То есть «СЕГОДНЯ ПОЛДЕНЬ ЛЕЧЕБНИЦА КОЛНИ ХАТЧ СПРОСИ МИСТЕРА КИППЕРСОЛТА».

И подпись: «Э.Х.»

Вот что прочёл Майкрофт в утреннем выпуске «Пэлл-мэлл газетт», и как бы его ни смутило место встречи, он не мог не ответить на призыв.

Я могу лишь гадать, что произошло, когда Майкрофт прибыл в «Колни Хатч» и его отвели к «мистеру Кипперсолту». Так или иначе, властный мистер Холмс — это описание относится к обоим моим братьям, они оба принадлежат к высшему классу и привыкли повелевать, — успешно вызволил «мистера Кипперсолта» из заточения, поскольку рядом с ним в экипаже сидел — ура! я была права! — пропавший доктор Ватсон.

Выглядел он не так чтобы бодрым — неудивительно, учитывая то, что ему довелось пережить, — но целым и невредимым.

И широко улыбался.

Развернувшаяся передо мной сцена наполнила сердце теплом.

Горничная, увидев пассажиров ландо, закричала, а на её крик прибежала миссис Ватсон; она буквально вылетела из дома и вихрем пронеслась через дорогу к экипажу. Доктор Ватсон, слегка покачиваясь, вышел ей навстречу, и жена крепко обняла его.

Но это было ещё не всё: на улицу прибыл кеб, несущийся на недопустимо высокой скорости. Из него выскочил худой, как плеть, высокий джентльмен и бросился пожимать руку старому другу. Никогда я не видела Шерлока таким счастливым.

Я широко улыбнулась, хотя сердце у меня ныло от жажды братской любви и мне тяжело было наблюдать за прояв-

лениями сердечной привязанности издалека. Вскоре все четверо вошли в дом, а кеб и ландо уехали — радостное представление подошло к концу.

Всё ещё улыбаясь, я вздохнула и отправилась паковать вещи. Пора было возвращаться в менее комфортное, но зато укромное и безопасное жилище миссис Таппер.

Глава семнадцатая

В ВЕЧЕРНЕМ ВЫПУСКЕ «ПЭЛЛ-МЭЛЛ ГАЗЕТТ»
в колонке объявлений я прочла следующе-
щее:

**Э.Х.: ЛАВРЫ ТВОИ. СМИРЕННО БЛАГОДАРИМ
ТЕБЯ. Ш.Х. И М.Х.**

Что?! Как неожиданно и приятно!

Сидя в своей доброй старой комнате
в пансионе миссис Таппер, в одной со-
рочке, положив ноги на пуфик, я пере-
читала объявление:

**«Э.Х.: ЛАВРЫ ТВОИ. СМИРЕННО БЛАГОДАРИМ
ТЕБЯ. Ш.Х. И М.Х.»**

По лицу у меня расплылась глупейшая улыбка. Неожиданное признание братьев наполнило душу радостью и теплом.

Очень любезно с их стороны воздать мне хвалу, хотя решение загадки на самом деле было предельно простым; я сразу всё поняла, как только разложила латинское слово *asparagus* на части.

A spear of Gus — «копье Гаса».

Гас — сокращение от Огастас.

Мне сразу пришёл на ум Огастас Кипперсолт, чьё имя я нашла в документах муниципалитета. Увидев, что он отправлен в психиатрическую лечебницу, я решила, что это не тот, кто мне нужен, и выбросила его из головы.

В каком-то смысле я была права: того Кипперсолта, которого я искала, больше не существовало.

Однако именно Огастас Кипперсолт был мужем Пертелотты.

После увлекательной ночи, проведённой в зарослях спаржи, и размыш-

лений о значении этого растения я поняла, что мистер Кипперсолт обитает вовсе не в «Колни Хатч», и готова была поклясться своим носом, что его «посадили» в громадный контейнер в теплице. Честно говоря, я была настолько уверена в своих выводах, что, хоть мне и нравилась Пертелотта, отправила Лестрейду анонимную записку, в которой изложила свои подозрения и посоветовала «изучить вопрос».

Поскольку убийство Огастаса Кипперсолта скрыли, свидетельство о смерти никто не оформил.

А если по закону мистер Кипперсолт был ещё жив, ничто не мешало объявить его сумасшедшим. Как Флора подделала бумаги, как выманила доктора Ватсона из клуба и под каким предлогом вызвала санитаров, чтобы его забрали, я, вероятно, никогда не узнаю. Однако мне было предельно ясно, каким образом Флора отомстила врачу.

«Ну, бумажки кой-какие заполнила, чтоб его упрятать туда, куда он меня засунуть хотел, — сказала она сестре, когда я подслушивала их разговор за окном. — Так ему и надо».

Оказаться в психиатрической лечебнице на какой бы то ни было период времени — печальная участь, но я надеялась, что за неделю с доктором Ватсоном не успело случиться ничего дурного.

* * *

Пожалуй, мне даже повезло, что я порезала губу; благодаря этому я воздержалась от активных действий, которыми рисковала выдать себя с головой.

Только две недели спустя, уже после того как доктор Ватсон вернулся к врачебной практике, обворожительная мисс Энверуа нанесла визит добросердечной миссис Ватсон.

Я замаскировалась с помощью «лёгких и незаметных средств» Пертелотты, приклеила на висок родинку, изящно уложила парик и нацепила на него самую модную шляпку. Без ложной скромности замечу, что в лимонно-кремовом муслиновом платье, расшитом кружевом, я выглядела очаровательно, если не божественно. По этому случаю я захватила с собой букет из примул, цветков яблони и резеды душистой. Примула означала грядущее счастье, цветок яблони — здоровье, а резеда — искреннее уважение: я надеялась, что Мэри Морстен Ватсон это поймёт. У резеды душистой мелкие, непримечательные цветки, но она источает сладчайший аромат — отсюда и название. Их уместно вручить человеку, чьи удивительные достоинства завуалированы не менее удивительной скромностью.

Поднявшись на начищенное до блеска крыльцо, я протянула горничной визитку мисс Виолы Энверуа и приня-

лась ждать, пока меня примут: я не сомневалась, что миссис Ватсон согласится со мной увидеться, но не была уверена, сможет ли она довериться мне так же, как в прошлый раз.

Видите ли, я всего лишь хотела удовлетворить своё любопытство — и всё.

Однако меня ждало нечто большее, о чём я даже не подозревала.

— Мисс Энверуа! — Хозяйка выбежала ко мне навстречу, раскинув руки в гостеприимном жесте; в домашнем платье бежевого цвета она выглядела так же скромно, как пучок резеды. — Как любезно, как неожиданно, что вы снова пришли! А какой чудесный букет вы принесли! — Она уткнулась носом в цветы, вдыхая аромат, и лишь затем передала их горничной. — Право, вы слишком добры.

— Осмелюсь возразить, миссис Ватсон. Такой человек, как вы, заслуживает всего самого доброго.

— Однако теперь мне ничего не нужно. Я счастлива: вы наверняка слышали, что Джон вернулся, целый и невредимый.

— Да, и я испытала невероятное облегчение — разумеется, не сравнимое с вашим.

— О! Признаюсь, я чуть не упала в обморок от переизбытка чувств, когда его увидела! Прошу, садитесь. Нам принесут чаю.

Зря я сомневалась в её доверчивости: миссис Ватсон была готова рассказать мне всё, от начала и до конца. Когда нам принесли чай и лимонные вафли, я как бы невзначай спросила, чья это заслуга, что её супруг нашёлся, — полиции?

— Вовсе нет! Полицейские признали, что у них не было ни единой зацепки.

— Значит, мистер Шерлок Холмс сам разгадал загадку?

— Нет, даже ему не всё известно. Мы до сих пор не знаем, кто преступник...

Видите ли, когда Джон отдыхал в клубе, к нему подошёл неизвестный господин и сказал, что мистеру Шерлоку Холмсу срочно необходимо помочь в деле необычайной деликатности; сначала Джон отнёсся с подозрением к просьбе незнакомца спрятать визитки и врачебную сумку за диваном, чтобы никто не признал в нём врача, — видите ли, господин этот выглядел довольно причудливо, и лицо у него было странное, — однако мистер Холмс часто втягивал Джона в самые невероятные приключения, и мой бедный муж поверил злодею. Он пошёл за ним, словно ягнёнок на заклание, и за первым же углом на него выпрыгнули констебль и ещё один джентльмен из чёрного экипажа. Разумеется, когда его схватили, Джон сопротивлялся и кричал: «Что вы творите?! Я спешу! Меня ждёт мистер Шерлок Холмс!» Тут обманщик со странным лицом обратился к констеблю: «Видите, как всё плохо?» — а констебль ответил: «Да, вы правы. Ти-

пичный случай мономании¹. Идёмте, мистер Кипперсолт».

— Кипперсолт?! — воскликнула я, делая вид, что ничего не знаю. — Кажется, про него что-то писали в газетах?

— Да, так звали несчастного, которого убили и закопали в теплице.

— Возможно, здесь есть какая-то связь?

— Мистер Холмс тоже так думает. Он расследует это дело. Так или иначе, те негодяи из чёрного экипажа считали, что Джон на самом деле мистер Кипперсолт. Он говорил им: «Вы совершаете ужасную ошибку! Меня зовут Ватсон, доктор Джон Ватсон!» — а они всё твердили в ответ: «Тише, тише, мистер Кипперсолт, не сопротивляйтесь». Вдруг из экипажа вышла медсестра; она сказала: «Пожалуйста, успокойтесь, мистер Кипперсолт» —

¹ М о н о м а н и я — психическое заболевание, при котором человек помешан на чём-то одном, одержим конкретной идеей; например, что он Наполеон или друг Шерлока Холмса.

и уколола его шприцем. Очнулся он уже в психиатрической лечебнице, и там никто не желал его слушать. «Такая несправедливость любого может довести до безумия, даже самого здравомыслящего человека», — сказал мне Джон.

— Как умно, — прошептала я. Значит, Флора воспользовалась фамилией Кипперсолта и именем всем известного Ватсона, чтобы подставить доброго врача. — Как чудовищно! — исправилась я.

— Чудовищно — не то слово!

В маленькую гостиную вошла горничная с моим букетом в зелёной стеклянной вазе и бережно поставила его на спинет. Комнату, которая выглядела намного приятнее без зловещих безобразных букетов, наполнил аромат душистой резеды.

Дождавшись, пока горничная удалится, я спросила:

— Вам известно, кто организовал это гнусное и со стороны как будто законное похищение?

— Пока нельзя сказать наверняка, но Джон подозревает, что с ним решил расквитаться один из психически больных пациентов, которого он по долгу службы отправил в лечебницу. Сейчас в свободное от работы время он изучает свои записи в поисках зацепок.

— Так кто же всё-таки его нашёл? Мистер Шерлок Холмс?

— Ничего подобного!

Я почти не сомневалась, что сейчас она назовёт имя мистера Майкрофта Холмса.

Однако своим ответом миссис Ватсон застала меня врасплох.

— Пожалуй, личность спасителя моего милого Джона — самое поразительное во всей истории. Насколько мне известно... — Миссис Ватсон замялась в нерешительности, и я не стала на неё давить, поскольку понимала, как некрасиво её расспрашивать о столь деликатных вещах. Впрочем, несколько мгновений спустя миссис Ватсон слегка

нахмурилась, вздёрнула подбородок и наклонилась ко мне: — Думаю, нет ничего плохого, чтобы поделиться этим с вами, мисс Энверуа: огромную роль в спасении моего любимого мужа сыграла мисс Энола Холмс.

— Мисс Энола Холмс?!

— Младшая сестра мистера Шерлока Холмса.

— Сестра?! Я не знала, что у него есть сестра, — ответила я с неподдельным интересом, понимая, как полезна для меня искренность миссис Ватсон.

— Об этом мало кто знает, — отозвалась она. — Девушка очень самовольная и не слишком женственная, что сильно тревожит братьев... На самом деле они даже не знают точно, где она сейчас.

— Что, простите?

Миссис Ватсон пустилась в длительные объяснения; я избавлю любезного читателя от пересказа истории моего путешествия из Фернделл-холла в Лондон её словами. Больше всего меня ин-

тересовало, что известно обо мне моим братьям; в основном наши сведения совпадали, за одним невероятно важным исключением, о котором я узнала следующим образом.

— Вам не приходилось встречать эту удивительную девушку? — полюбопытствовала я.

— Нет! Мы даже не знаем, почему и как она оказалась замешана в историю с исчезновением Джона.

— Вы лишь недавно о ней узнали?

— Нет, признаюсь... Видите ли, мой муж мне признался, что его очень тревожило состояние мистера Шерлока Холмса, опечаленного побегом сестры, и он решился обратиться к некоему доктору Рагостину.

— Доктору Рагостину?! — переспросила я с уместным удивлением в голосе.

— Так называемому учёному искателю, — ядовито уточнила миссис Ватсон, точнее — настолько ядовито,

насколько это было возможно для обладательницы нежного, сладкого голоса. — Теперь Джон почти уверен, что это жалкий шарлатан.

— Ему ничего не удалось узнать у доктора Рагостина?

— Он даже его ни разу не видел! Ему довелось побеседовать только с секретарём доктора Рагостина, обычной девушкой.

— Интересно, а не моя ли это подруга Марджори Пибоди?¹ — задумчиво произнесла я. — Вы же знаете, какие печальные последствия для владеющих землёй семей влечёт за собой упадок сельского хозяйства. Марджори пришлось пойти на работу к некоему учёному. Вы случайно не знаете, как зовут секретаря доктора Рагостина?

¹ Вполне возможно, что автор воспользовалась именем Марджори Пибоди Уэйт (1884–1944 гг.), которая в 1926 году вместе со своим мужем основала «Яддо» — американское сообщество художников. Здесь это просто случайное имя, которое на ходу выдумала Энола.

— Боюсь, что нет. Я ничего о ней не знаю.

— Даже как она выглядит? Марджори — светловолосая и пышная девушка.

— Честное слово, не могу сказать. Джон мало что запомнил; она не показалась ему примечательной.

Я надеялась, что отреагировала на спасительные слова миссис Ватсон спокойно и ни капли не подозрительно; она тем временем продолжила вещать об окутанной покрывалом тайны Эноле Холмс и её роли в спасении доктора Ватсона. Когда миссис Ватсон закончила свой рассказ, я поднялась, поздравила её со счастливым исходом, крепко обняла и, горячо пожелав всего наилучшего, вышла из маленькой гостиной походкой идеальной леди — но всё это время я мысленно плясала и прыгала от восторга, словно чумазый ребёнок, делала колесо и стояла на голове, радостно крича: «Да

здравствует простодушный, добрый доктор Ватсон!»

Несколько недель назад я составила список того, что знает обо мне брат, и внесла в него следующие пункты.

Он (Шерлок) знает, что я называлась Лианой.

Скорее всего, он знает от доктора Ватсона, что девушка по имени Лиана Месхол работала у первого и единственного в мире учёного искателя.

Однако, судя по тому, что поведала мне миссис Ватсон, эти выводы беспочвенны!

Разве что... Разве что Шерлок попросил её слухавить, чтобы расставить для меня сети?

Нет, невозможно. Никто не мог предположить, когда я приду, и приду ли вообще, и в какой буду маскировке. Кроме того, наблюдения миссис Ватсон показались мне правдивыми: она

говорила как любящая, снисходительная к глуповатому и невнимательному мужу жена. Уходя из дома доктора Ватсона, я в очередной раз поблагодарила судьбу за его доброту и беспечность. Как же хорошо, что он не придал никакого значения мисс Месхол; доктор Ватсон забыл её фамилию — что уж говорить об имени!

А значит, если он и рассказал Шерлоку про свой визит к шарлатану Рагостину — про его секретаря вряд ли упомянул даже вскользь.

Вот оно, счастье.

Я снова могу надеть личину Лианы Месхол.

Я всё ещё могу посвятить жизнь своему призванию.

(Мне пришлось сдержаться, чтобы не побежать вприпрыжку: всё-таки я шла по благополучному району в образе достойной леди.)

А однажды, когда я стану совершеннолетней и независимой и меня больше

ЭНОЛА ХОЛМС И ТАИНСТВЕННЫЕ БУКЕТЫ

никто не посмеет никуда отправить без моего согласия — этого мне придётся ждать ещё семь долгих лет, но мечтать никто не запрещает, верно? — я буду работать под своим настоящим именем.

Энола Холмс, первая и единственная настоящая учёная искательница на свете.

Апрель 1889

— ФЛОРА ГАРРИС, — СКАЗАЛ ВЕЛИКИЙ детектив мистер Шерлок Холмс, обращаясь к своему другу и коллеге доктору Ватсону, когда они отдыхали после превосходного ужина в ресторане «Симпсонс» на Стрэнде. — Или Харрис, как произнесла бы она сама, поскольку родилась и выросла под звон колоколов Сент-Мэри-ле-Боу, среди тех, кому не свойственно правильное произношение.

Ватсон слегка запоздало кивнул:

— То есть кокни.

— Именно. У Флоры Гаррис есть сестра, на пять лет её старше — Фрэнсис. Флора осталась старой девой. Фрэнсис

вышла замуж за человека выше её по положению. Они с мужем открыли магазинчик «Шантеклер» на Холивелл-стрит; тогда Фрэнсис придумала себе подходящее прозвище — Пертелотта.

— Умно, — заметил Ватсон, любуясь кубинской сигарой, которой с минуты на минуту собирался затянуться, — хотя довольно необычно.

— Как вам, к несчастью, пришлось выяснить на собственном опыте, «необычная» — слишком бледный эпитет для этой семьи.

— А мне пришлось? Пока что я не понимаю, к чему вы клоните, Холмс.

— Супруга старшей сестры звали Огастас Кипперсолт.

Ватсон ахнул и выронил сигару. Она упала на скатерть, но он не потрудился её поднять.

— Младшая сестра его жены жила вместе с ними. Довольно нестандартная ситуация, верно? Некоторое время спустя Огастас Кипперсолт отправил Флору

в психиатрическую лечебницу на основании жорж-сандизма¹.

Ватсон резко выпрямился, поражённый внезапным открытием:

— Так вот оно что! Да, я помню этот случай. Мало того что несчастная одевалась как мужчина — многие тревожные факторы указывали на то, что её необходимо исключить из общества как источник заразы. Нездоровые отношения сестёр, несчастный случай, после которого больная осталась с изуродованным лицом, её горькая обида, граничащая с манией...

— О, никто не сомневается в поставленном вами диагнозе, дорогой Ватсон! Флора Гаррис несомненно безумна.

— То есть это она... Она — тот подлец, который выманил меня из клуба?! —

¹ Ж о р ж - с а н д и з м — идеология, выросшая из творчества французской писательницы Жорж Санд; включает в себя культ безрассудства, пренебрежения нравственными нормами и правилами поведения в обществе.

с растущим недоверием воскликнул доктор Ватсон.

— Да, безусловно. Именно из-за неё вам пришлось провести неделю в этом кошмарном месте, в «Колни Хатч».

Холмс объяснил, что миссис Пертелотта Кипперсолт, вероятно, тоже не совсем психически здоровая, предпочла сестру мужу и вызволила Флору Гаррис из лечебницы, за что её муж в итоге поплатился жизнью. Убийство, разумеется, привело миссис Кипперсолт в ужас, и она, взяв сестру в ежовые рукавицы, не спускала её с короткого поводка. Однако надзор со временем становился всё менее строгим, и Флоре Гаррис удалось отомстить врачу, который признал её сумасшедшей.

— Как же всё до глупейшего просто, — безмятежно произнёс Ватсон, выслушав объяснения друга, и откинулся на спинку кресла.

— Теперь нам всё известно — да, пожалуй, можно так сказать. Однако

тогда... — На лицо великого детектива легла тень. Чтобы отвлечься от мрачных мыслей, он выудил из внутреннего кармана пиджака трубку и кисет. — Тогда мне это не пришло в голову, — признал он натянутым, глухим голосом.

— Всё хорошо, что хорошо кончается, Холмс.

— Вы, мой дорогой Ватсон, слишком добры и не хотите меня осуждать, но сам я себя жестоко осуждаю за то, что упустил самое очевидное. Если бы не моя сестра, вы бы до сих пор находились в «Колни Хатч».

Несмотря на то что Ватсон знал о его сестре — он ещё помнил ту ночь, когда Энола в одеянии монахини ворвалась в дом доктора и передала его заботам полузадушенную юную леди, — и несмотря на то, что подобная возможность представлялась уже не раз, сейчас детектив впервые добровольно заговорил о ней с лучшим другом. Доктор Ватсон, понимая, что для Холмса это большая

тема, никак своим видом не показал, что удивлён, — даже не моргнул. Совершенно спокойно и непосредственно, словно обсуждая труд Холмса о разных видах пепла от сигар, он произнёс:

— Ах, ваша сестра... Что вы думаете о своей сестре, Холмс?

Наступила тяжёлая пауза. Невидящим взглядом Холмс смотрел на стену джентльменской комнаты отдыха в «Симпсонс», и по выражению его лица невозможно было ничего прочесть.

— Очень жаль, — ответил он наконец, — что она мне не доверяет.

Некоторые значения цветов

Василёк	Простота
Камелия	Восхищение
Лилия	Нежность
Ландыш	Чистота, вновь обретённое счастье
Маргаритка	Невинность
Незабудка	Истинная любовь
Орхидея	Утончённость
Фиалка	Верность
Цинния	Доброта
Подснежник	Надежда
Жасмин	Сочувствие
Боярышник	Надежда (во франц. традиции)

ЭНОЛА ХОЛМС И ТАИНСТВЕННЫЕ БУКЕТЫ

Боярышник	Беда, неудача (в англ. традиции)
Мак	Утешение
Белый мак	Сон
Вьюнок	Нечто скрытное, опутывающее, извращённое
Омела	Встреча влюблённых
Очный цвет полевой	Встреча
Ракитник «золотой дождь»	Горькие слёзы
Синий колокольчик	Горе
Тис	Смерть
Примула	Грядущее счастье
Цветок яблони	Здоровье
Резеда	Уважение

Оглавление

Глава первая	16
Глава вторая	27
Глава третья	39
Глава четвёртая	52
Глава пятая	63
Глава шестая	77
Глава седьмая	89
Глава восьмая	103
Глава девятая	116
Глава десятая	130

Глава одиннадцатая	143
Глава двенадцатая	156
Глава тринадцатая	169
Глава четырнадцатая	184
Глава пятнадцатая	194
Глава шестнадцатая	211
Глава семнадцатая	226
Некоторые значения цветов	250

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание
адеби-көркемдік баспа

Для среднего школьного возраста
орта мектеп жасындағы балаларға арналған

Спрингер Нэнси

ЭНОЛА ХОЛМС И ТАИНСТВЕННЫЕ БУКЕТЫ **(орыс тілінде)**

Руководитель направления **Т. Суворова**
Ответственный редактор **И. Юкио**
Литературный редактор **Е. Остроумова**
Технический редактор **О. Лёвкин**
Компьютерная верстка **Е. Коптевой**
Корректор **Н. Аравская**

ООО «Издательство «Эксмо»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Тауар белгісі: «Эксмо»

Интернет-магазин: www.book24.ru

Интернет-магазин: www.book24.kz

Интернет-дүкен: www.book24.kz

Импортёр в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».

Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.

Дистрибутор и представитель по приёму претензий на продукцию,

в Республике Казахстан: ТОО «РДЦ-Алматы»

Қазақстан Республикасында дистрибутор және өнім бойынша арыз-талымдарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС.

Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-90/91/92; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарнамалық мақалаларына жол берілген.

Сертификация туралы ақпарат сайты: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Эксмо» www.eksmo.ru/certification

Өндірген мемлекет: Ресей. Сертификация қарастырылған

12+

Дата изготовления / Подписано в печать 06.03.2019. Формат 84х108/32.

Гарнитура «Minion». Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,44.

Тираж 7000 экз. Заказ 2776.

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Оттисная торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо», 123308, г. Москва, ул. Зорге, д. 1, многоканальный тел.: 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оттовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»
E-mail: international@eksmo-sale.ru

*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Ekmo» for their orders.
international@eksmo-sale.ru*

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном
оформлении, обращаться по тел.: +7 (495) 411-68-59, доб. 2261.
E-mail: klopova.ev@eksmo.ru

Оттисная торговля бумажно-белыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белоканное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс: +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kano@eksmo-sale.ru, сайт: www.kano-eksmo.ru

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Читальня БУКОВОЕД», Невский пр-т, д. 46.
Тел.: +7 (812) 801-0-801, www.bookvoed.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оттовыми покупателям:
Москва. ООО «Торговый Дом «Эксмо». Адрес: 123308, г. Москва, ул. Зорге, д. 1.
Телефон: +7 (495) 411-50-74. E-mail: reception@eksmo-sale.ru
Нижний Новгород. Филиал «Торгового Дома «Эксмо» в Нижнем Новгороде. Адрес: 603094,
г. Нижний Новгород, ул. Карпинского, д. 29, бизнес-парк «Грин Плаза».
Телефон: +7 (831) 216-15-91 (92, 93, 94). E-mail: reception@eksmo-nn.ru
Санкт-Петербург. ООО «СЭКО». Адрес: 192029, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны,
д. 84, лит. «Е». Телефон: +7 (812) 365-46-03 / 04. E-mail: zecher@szko.ru
Екатеринбург. Филиал ООО «Издательство Эксмо» в г. Екатеринбург. Адрес: 620024,
г. Екатеринбург, ул. Новинская, д. 2щ. Телефон: +7 (343) 272-72-01 (02/03/04/05/06/08).
E-mail: petrova.ev@eksmo.ru
Самара. Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Самара.
Адрес: 443052, г. Самара, пр-т Кирова, д. 75/1, лит. «Е».
Телефон: +7 (846) 207-55-50. E-mail: RDC-samara@mail.ru
Ростов-на-Дону. Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Ростов-на-Дону. Адрес: 344023,
г. Ростов-на-Дону, ул. Страны Советов, д. 44 А. Телефон: +7 (863) 303-62-10. E-mail: info@rtd.eksmo.ru
Центр оттово-розничных продаж Cash&Carry в г. Ростов-на-Дону. Адрес: 344023,
г. Ростов-на-Дону, ул. Страны Советов, д. 44 В. Телефон: (863) 303-62-10.
Режим работы: с 9-00 до 19-00. E-mail: rostov.rtd@rtd.eksmo.ru
Новосибирск. Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Новосибирск. Адрес: 630015,
г. Новосибирск, Комбинатный пер., д. 3. Телефон: +7 (383) 289-91-42. E-mail: ekmo-nn@yandex.ru
Хабаровск. Обособленное подразделение в г. Хабаровск. Адрес: 680000, г. Хабаровск,
пер. Дзержинского, д. 24, литер Б, офис 1. Телефон: +7 (4212) 910-120. E-mail: ekmo-khv@mail.ru
Тюмень. Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Тюмени.
Центр оттово-розничных продаж Cash&Carry в г. Тюмени.

Адрес: 625022, г. Тюмень, ул. Алебашевская, д. 9А (ТЦ Перестройка+).
Телефон: +7 (3452) 21-53-96/ 97/ 98. E-mail: ekmo-tumen@mail.ru
Краснодар. ООО «Издательство «Эксмо» Обособленное подразделение в г. Краснодаре
Центр оттово-розничных продаж Cash&Carry в г. Краснодаре
Адрес: 350018, г. Краснодар, ул. Сормовская, д. 7, лит. «Г». Телефон: (861) 234-43-01(02).
Республика Беларусь. ООО «ЭКСМО АСТ Синд Син». Центр оттово-розничных продаж
Cash&Carry в г. Минск. Адрес: 220014, Республика Беларусь, г. Минск,
пр-т Жукоса, д. 44, пом. 1-17, ТЦ «Outletto». Телефон: +375 17 251-40-23; +375 44 581-81-92.
Режим работы: с 10-00 до 22-00. E-mail: exmoast@yandex.by
Казахстан, РДЦ Алматы. Адрес: 050039, г. Алматы, ул. Домбровскийго, д. 3 «А».
Телефон: +7 (727) 251-59-90 (91,92). E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Интернет-магазин: www.book24.kz

Украина. ООО «Форс Украина». Адрес: 04073 г. Киев, ул. Вербова, д. 17а.
Телефон: +38 (044) 290-99-44. E-mail: sales@forsukraine.com

Полный ассортимент продукции Издательства «Эксмо» можно приобрести в книжных
магазинах «Читай-город» и заказать в интернет-магазине www.chitalai-gorod.ru.
Телефон единой справочной службы 8 (800) 444 8 444. Звонок по России бесплатный.

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»
www.book24.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-88-14. E-mail: invest@eksmo-sale.ru

EKSAMO.RU
новинки издательства

ISBN 978-5-04-100238-1

EAC

